

КЕВИН МИТНИК

УИЛЬЯМ САЙМОН

ПРИЗРАК В СЕТИ

МЕМОУАРЫ
ВЕЛИЧАЙШЕГО
ХАКЕРА

Предисловие
**Стива
Возняка**
сооснователя
Apple Inc

Уильям Л. Саймон
Кевин Митник
Призрак в Сети. Мемуары величайшего хакера

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436342
Призрак в Сети. Мемуары величайшего хакера: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-58256-3

Аннотация

Кевин Митник по праву считается самым неуловимым мастером компьютерного взлома в истории. Он проникал в сети и компьютеры крупнейших мировых компаний, и как бы оперативно ни спохватывались власти, Митник был быстрее, вихрем проносясь через телефонные коммутаторы, компьютерные системы и сотовые сети. Он долгие годы рыскал по киберпространству, всегда опережая преследователей не на шаг, а на три шага, и заслужил славу человека, которого невозможно остановить. Но для Митника хакерство не сводилось только к технологическим эпизодам, он плел хитроумные сети обмана, проявляя редкое коварство и пытаясь у ничего не подозревающего собеседника ценную информацию.

«Призрак в Сети» – захватывающая невыдуманная история интриг, саспенса и невероятных побегов. Это портрет провидца, обладающего такой изобретательностью, хваткой и настойчивостью, что властям пришлось полностью переосмыслить стратегию погони за ним. Отголоски этой эпической схватки чувствуются в сфере компьютерной безопасности и сегодня.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Кевин Митник, Уильям Саймон

Призрак в Сети. Мемуары величайшего хакера

Моей маме и бабушке
К. Д. М.

*Аринн, Виктории и Дэвиду, Шелдону, Винсенту и Елене Роуз и в
особенности Шарлотте*
У. Л. С.

Предисловие

Впервые я встретил Кевина Митника в 2001 году, во время съемок документального фильма *«История хакинга»* для канала Discovery. На этом наше общение не закончилось. Через два года я прилетел в Питтсбург и предложил ему прочитать лекцию в университете Карнеги-Меллон. Его выступление я прослушал на одном дыхании и был ошеломлен биографией хакера, о котором он рассказал. Гений взламывал корпоративные компьютеры, но не портил файлы, не использовал и не продавал те номера кредитных карточек, к которым имел доступ. Он брал программы, но никогда не торговал ими, так как делал это для удовольствия и самоутверждения.

В лекции Кевин подробно рассказал невероятную историю о том, как взломал дело, которое завело на него ФБР. Митник досконально изучил все материалы и обнаружил, что его новый приятель-хакер – шпион. Кевин узнал имена, домашние адреса всех агентов ФБР, которые занимались его делом, даже прослушал телефонные звонки и голосовую почту сыщиков, пытавшихся собрать против него улики. Специально устроенная система сигнализации предупреждала Кевина о том, когда именно ФБР готовило на него облаву.

Как-то продюсеры телешоу *Screen Savers* пригласили меня и Кевина выступить в одной программе. Они попросили меня продемонстрировать новое электронное устройство, которое тогда только появилось на потребительском рынке, – GPS. Мы договорились, что я буду ездить неподалеку на автомобиле, а они будут отслеживать мою машину по навигатору. В эфире маршрут показался, на первый взгляд, случайным, на самом деле линии пути складывались в два слова:

СВОБОДУ КЕВИНУ

С Кевином нам довелось выступать и в 2006 году, в то время Митник был постоянным гостем ток-шоу Арта Белла *Coast to Coast AM*. Он предложил мне стать его собеседником в эфире. К тому времени я в подробностях знал его историю. В тот вечер я давал ему интервью, рассказывал о себе, мы много смеялись – нам всегда было весело вдвоем.

Кевин изменил мою жизнь. Однажды я осознал, что он не раз звонил мне, когда был за тридевять земель: Митник ездил в Россию, где читал лекцию, в Испанию, где консультировал одну компанию по вопросам безопасности, в Чили, где помогал банку справиться с недавним компьютерным взломом. Все это звучало потрясающе. Я почти десять лет не пользовался загранпаспортом, пока эти звонки не пробудили во мне жажду странствий. Кевин познакомил меня со своим агентом, которая организовывала его лекции. Эта дама как-то сказала: «Если хотите, я могу и вам помочь устроить цикл лекций». Так, благодаря Кевину, я принялся путешествовать по миру.

Кевин стал одним из лучших друзей. Мне нравится проводить с ним время, слушать истории об эксплоитах и приключениях. Его молодость была не менее захватывающей и авантюрной, чем у корсара из приключенческого фильма.

Теперь и вы сможете узнать все те истории, которые я слышал одну за другой на протяжении многих лет. В известном смысле я немного завидую, ведь перед вами только открывается необычное путешествие. Вам предстоит узнать удивительную, даже невероятную биографию и хронику эксплоитов Кевина Митника.

*Стив Возняк,
соучредитель Apple Inc.*

Пролог

Физический доступ – это проникновение в здание интересующей вас компании. Мне это никогда не нравилось. Слишком рискованно. Пишу об этом – и меня уже пробивает холодный пот.

Как-то мне довелось испытать, что такое физический доступ. Невероятное чувство охватывает, когда в теплый весенний вечер прячешься на темной парковке компании, которая ворочает миллиардами долларов, и выбираешь тот самый нужный момент. За неделю до этого я посетил здание среди бела дня. Пришел под предлогом того, что нужно оставить письмо для одного сотрудника. На самом деле, войдя в здание, я смог разузнать, как в этой компании выглядит пропуск-идентификатор. Итак, фотография сотрудника крупным планом размещается в левом верхнем углу. Прямо под ней – имя и фамилия, сначала идет последняя крупными печатными буквами. В нижней части карточки – название компании крупными красными буквами.

Я сходил в интернет-клуб и посмотрел сайт компании. На нем можно было скачать и скопировать изображение логотипа этой фирмы. Проработав около 20 минут в Photoshop с логотипом и отсканированной фотографией на документы, я сделал вполне убедительное факсимиле идентификационной карточки. Результат творения я аккуратно вставил в копеечный бейджик. Еще один фальшивый пропуск смастерил для друга, который согласился подсобить, если понадобится его помощь.

Оказалось, что без этой маскировки можно было обойтись. В 99 % случаев на пропуск практически не смотрят. Если основные элементы карточки расположены правильно и выглядят примерно так, как и должны выглядеть, то вы спокойно попадете внутрь. Однако какой-нибудь чересчур ретивый охранник или сотрудник, который решил поиграть в цербера, может попросить вас поднести карточку ближе. И если вы живете, как я, то такую опасность никогда нельзя списывать со счетов.

На парковке меня не видно. Я смотрю на огоньки сигарет той череды людей, которые выходят на улицу покурить. Наконец, замечаю группу из пяти-шести человек, которая возвращается в здание. Дверь черного входа – одна из тех, что открываются только тогда, когда кто-то из сотрудников подносит карточку к считывающему устройству. Я пользуюсь моментом и последним пристраиваюсь к подобной группе. Парень передо мной переступает порог, замечает, что за ним кто-то идет, мельком меня оглядывает, видит, что у меня бейдж, как и у всех сотрудников, и придерживает дверь, чтобы я вошел. Я благодарно киваю.

Такой прием называется «паровозик».

Внутри я сразу замечаю плакат, который расположен так, что его обязательно увидит каждый посетитель. Этот плакат, вывешенный ради дополнительной безопасности, предупреждает, что нельзя придерживать дверь перед кем-то, кто идет после вас: нужно, чтобы все заходили в здание по одному, поднося идентификационную карточку к считывающему устройству. Однако обычная вежливость, та самая минимальная любезность, которую каждый день оказываешь коллеге-товарищу, заставляет сотрудников с завидным постоянством игнорировать предупреждающий плакат.

Итак, я внутри. Я иду вперед по длинным коридорам широким шагом человека, который бежит решать важную задачу. На самом деле это исследовательское путешествие и я ищу офис отдела информационных технологий (ИТ). Нахожу его минут через десять в другой части здания. Я хорошо подготовился к визиту и знаю имя одного системного администратора этой компании. Полагаю, у него самые широкие права доступа в корпоративную сеть.

Черт возьми! Когда я нахожу его рабочее место, оказывается, что это не обычная отгороженная кабинка типа «заходи кто хочет», а отдельный офис, где дверь закрыта на ключ.

Однако такая проблема мгновенно решается. Подвесной потолок выстлан белыми звуконепроницаемыми квадратами. Выше него часто оставляют технический этаж для труб, электропроводки, вентиляции и т. д.

Я звоню товарищу, говорю, что нужна его помощь, и возвращаюсь к черному входу, чтобы впустить соучастника. Он, худой и высокий, сможет сделать то, чего не смог я. Возвращаемся в отдел информационных технологий, и мой подельник залезает на стол. Я хватаю его за ноги и поднимаю достаточно высоко. Ему удастся приподнять звуконепроницаемую пластину. Я напрягаюсь, поднимаю его еще выше – он хватается за трубу и подтягивается. Не проходит минуты, а я слышу, что он уже в офисе. Ручка двери поворачивается – и товарищ запускает меня в кабинет. Он весь в пыли, но улыбка его растянулась до самых ушей.

Я захожу и тихо закрываю дверь. Теперь мы в большей безопасности, и возможность, что нас заметят, очень мала. В офисе темно. Включать свет опасно, но он и не нужен: мне хватает монитора, чтобы увидеть все необходимое. Кроме того, риск гораздо меньше. Я быстро рассматриваю стол, проверяю, что лежит в верхнем ящике и под клавиатурой – вдруг администратор оставил шпаргалку, на которой записал пароль к компьютеру. Не нашел. Жаль, но это совсем не проблема.

Достаю из сумки загрузочный компакт-диск с операционной системой Linux, где также записан инструментарий хакера, и вставляю в дисковод. Один из инструментов позволяет изменить локальный пароль администратора. Я меняю пароль на тот, который мне известен, с помощью которого я смогу войти в систему. Затем убираю диск и перезагружаю компьютер. На этот раз уже вхожу в систему с правами администратора через локальную учетную запись.

Я работаю как можно быстрее. Устанавливаю троян удаленного доступа – особый вирус, который дает мне полный доступ к системе, – и теперь могу вести учет всех нажатий клавиш, собирать зашифрованные значения (хеши) паролей и даже приказывать веб-камере фотографировать человека, который работает за компьютером. Тот троян, что я установил на машине, через каждые несколько минут будет подключаться по Интернету к другой системе. Я полностью контролирую это соединение и теперь могу делать в пораженной системе все, что захочу.

Делаю последнюю операцию: захожу в реестр компьютера и указываю в качестве последнего пользователя, который входил в систему (last logged in user), логин ничего не подозревающего инженера. Так я стираю все следы того, что проникал в систему через локальную учетную запись администратора. Утром инженер придет на работу и заметит, что он зачем-то вышел из системы. Ничего страшного: как только он снова в нее войдет, все будет выглядеть именно так, как нужно.

Пора идти обратно. Мой товарищ уже заменил звуконепроницаемую плитку. Уходя, я закрываю дверь на замок.

На следующий день в 08:30 системный администратор включает компьютер и устанавливает соединение с моим ноутбуком. Поскольку троян работает под его учетной записью, у меня есть все права администратора в этом домене. Всего за несколько секунд я нахожу контроллер домена, который содержит пароли от всех учетных записей сотрудников этой компании. Хакерский инструмент fgdump позволяет мне собрать в отдельном файле хешированные, то есть зашифрованные, пароли от каждого пользователя.

За несколько часов я прогоняю список хешей через «радужные таблицы» – огромную базу данных, которая содержит заранее вычисленные хеши паролей, – и восстанавливаю пароли большинства сотрудников этой компании. В конце концов я нахожу внутренний сервер, который обрабатывает пользовательские транзакции, но понимаю, что номера кредитных карточек зашифрованы. Однако это совсем не проблема. Оказывается, ключ, используемый для шифрования номеров, спрятан в хранимой процедуре внутри базы данных на

компьютере SQL-сервер. Доступ на этот компьютер открыт для любого администратора базы данных.

Несколько миллионов номеров кредитных карточек. Я могу покупать все, что захочу, каждый раз пользоваться другой карточкой, а главное – они никогда не закончатся.

Поверьте, я не собираюсь ничего покупать. Эта правдивая история не очередная попытка хакинга, из-за которого я нажил себе уйму неприятностей. Меня *наняли* для того, чтобы я совершил это проникновение.

Мы сокращенно называем такую операцию пен-тестом. «Пен» означает пенетрацию, то есть проникновение. Это значительная часть той жизни, которой я теперь живу. Я проскальзывал в здания крупнейших мировых компаний, взламывал самые неприступные компьютерные системы, которые когда-либо разрабатывались. Все это происходило по поручению самих этих компаний. Такие тесты помогали им совершенствовать меры безопасности, чтобы компания не стала жертвой настоящего хакера. Я самоучка и потратил немало лет на изучение методов, тактики и стратегии, которая позволяет преодолевать защиту компьютерных систем. Попутно я все лучше узнавал, как работают компьютерные и телекоммуникационные системы.

Страсть к технике и увлеченность ею толкнули меня на скользкую дорожку. Хакерские атаки стоили мне более пяти лет за решеткой, а моим близким и любимым людям – невероятной душевной боли.

В этой книге – моя история, настолько подробная и точная, насколько я могу ее припомнить. Здесь мои личные записи, протоколы судебных заседаний, документы, полученные по Закону о свободном доступе к информации, перехват телефонных разговоров из ФБР и записи, сделанные на скрытые диктофоны, многочасовые показания и беседы с двумя правительственными информаторами.

Это история о том, как я стал самым разыскиваемым и востребованным хакером в мире.

Имена Бетти, Дэвид Биллингсли, Джерри Коверт, Кумамото, Скотт Лайонз, Мими, Джон Нортон, Сара и Эд Уолш вымышлены. Подними выступают реальные люди, с которыми мне доводилось сталкиваться. Я воспользовался этими псевдонимами потому, что несмотря на то что умею хорошо запоминать числа и ситуации, настоящие имена иногда забываю.

Часть I РОЖДЕНИЕ ХАКЕРА

Глава 1 Жесткий старт

*Yjcv ku vjg pcog qh vjg uauvgo wugf da jco qrgtcvqtu vq ocmg htgg rjqpq
еспи?¹*

Мой инстинкт, который помогал обходить преграды и пробираться незамеченным мимо охранников, проявился очень рано. Когда мне было полтора года, я сумел выбраться из кровати, доползти до дверцы и сообразить, как она открывается. Для моей мамы это был первый звоночек, предвещавший будущие невероятные события.

Я рос единственным ребенком в семье. После того как от нас ушел отец (мне было три года), мама Шелли и я жили в симпатичных недорогих квартирках в спокойных районах долины Сан-Фернандо, а прямо за близлежащим холмом начинался Лос-Анджелес. Мама зарабатывала на хлеб, работая официанткой то в одной, то в другой забегаловке, которые были разбросаны вдоль Бульвара Вентура, что протянулся с востока на запад по всей долине. Отец жил в другом штате. Хотя он не забывал обо мне, на протяжении всего детства в моей жизни появлялся от случая к случаю. Когда он переехал в Лос-Анджелес, мне было уже тринадцать.

Мы с мамой переезжали слишком часто, поэтому мне было сложно заводить друзей. Мое детство в основном прошло за уединенными и спокойными занятиями. Когда я пошел в школу, учителя часто говорили маме, что у меня удивительные способности в математике и правописании, что я на несколько лет опережаю свой возраст. Однако я был неугомонным мальчишкой, и мне было сложно сидеть на месте.

Пока я рос, у мамы было три мужа и несколько мужчин. Один из них меня обижал, другой, который работал в какой-то правоохранительной организации, пытался совратить. Мама, в отличие от других матерей, о которых мне доводилось читать, никогда не закрывала на это глаза. Как только она узнавала, что меня обижают или даже грубо со мной разговаривают, любовники собирали манатки и исчезали. Я не требую ни от кого извинений, а просто пытаюсь понять, оказали ли эти жестокие мужчины какое-то влияние на мою взрослую жизнь, через которую красной нитью прошло неповиновение авторитетам.

Моей любимой порой года было лето, особенно если мама не работала в обед и у нее находилось свободное время в середине дня. Мне очень нравилось ходить с ней на чудесный пляж Санта-Моника. Она любила лежать на песке, загорать и расслабляться, смотрела, как я плескался в прибое: волна сшибала меня и я выныривал с хохотом из воды. Плавать я научился в лагере YMCA (Христианской ассоциации молодых людей), где несколько лет отдыхал летом. На самом деле меня раздражало там абсолютно все, кроме прогулок на пляж.

В детстве у меня не было проблем с физкультурой, я с удовольствием играл в Малой лиге². Увлекался этим спортом достаточно серьезно и с удовольствием проводил свободное

¹ Так называется система, используемая операторами любительского радио, для бесплатных звонков по телефону. Здесь и далее – расшифровки эпиграфов по сайту http://fabiansanglard.net/Ghost_in_the_Wires/index.php – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Бейсбольная лига для мальчиков и девочек 8–12 лет (<http://89.108.112.68/c/m.exe?CL=1&s=Little+League&l1=1>).

время на тренировках. Однако страсть, которая определила ход моей жизни, началась в лет десять. У наших соседей была дочка примерно моего возраста. Она мне очень нравилась и даже отвечала взаимностью. Признаюсь, она даже танцевала передо мной голышом. Однако в те годы меня интересовала не ее прелесть, а то, что мог мне дать ее отец, – волшебство.

Этот дядя был чародеем. Его фокусы с картами или монетами и другие по-настоящему серьезные штуки страшно занимали меня. В этих представлениях я открыл главный секрет: зрители – то один, то трое, то вся компания – получали удовольствие в том, что их обманывают. Тогда эта мысль не была осознанной. Однако позже я понял, насколько людям нравится покупаться на фокусы. Это ошеломляющее открытие изменило всю мою жизнь.

Лавка волшебника, расположенная от нас на расстоянии всего лишь краткой велосипедной прогулки, стала моим прибежищем, где я проводил все свое свободное время. Именно магия научила меня обманывать людей.

Иногда я ездил туда не на велосипеде, а на автобусе. Как-то раз, примерно через два года после того, как начались эти поездки, Боб Аркоу, водитель автобуса, заметил, что я надел футболку с надписью «CBers Do It on the Air». Он рассказал мне, что недавно нашел полицейскую рацию фирмы Motorola.

Я предположил, что через нее Боб теперь может прослушивать переговоры на закрытых полицейских частотах, а это, конечно же, было очень круто. Оказалось, водитель просто подшутил. Однако он был заядлым радиолюбителем и своим энтузиазмом заразил меня. Боб научил меня, используя радиочастоты, бесплатно звонить по телефону по службе, которая называлась «автопатч». Поддерживали ее такие же любители, как Боб. Бесплатные телефонные звонки! Невозможно передать, как меня это впечатлило. Я просто подсел на радиосвязь.

Несколько недель я ходил в вечернюю школу. Там хорошо изучал схемы и нормы любительского радио, чтобы сдать письменный экзамен.

Несколько недель я ходил в вечернюю школу. Там хорошо изучал схемы и нормы любительского радио, чтобы сдать письменный экзамен. Кроме того, я освоил азбуку Морзе и получил первую в жизни квалификацию. Вскоре почтальон принес конверт из Федерального агентства по связи. Там лежала моя лицензия на любительские занятия радиосвязью. Немногие дети в 12 лет могли похвастаться таким документом. Меня одолевало чувство огромного удовлетворения.

Обманывать людей, показывая фокусы, было очень интересно. Однако разбираться в том, как работают телефонные системы, гораздо круче. В начальной и средней школе, где-то до седьмого класса, я учился очень хорошо. Примерно в восьмом или девятом классе я начал прогуливать уроки, зависать в Henry Radio, любительском радиомагазине на западе Лос-Анджелеса. Я часами читал книги по теории радиосвязи. Для меня наведаться в этот магазин было намного интереснее, чем съездить в Disneyland. Кроме того, мне казалось, что любительское радио помогает приносить пользу людям. Какое-то время я подрабатывал по выходным, занимался технической поддержкой радиосвязи в местном отделении Красного Креста. Однажды летом я целую неделю занимался подобной работой на олимпиаде для спортсменов с умственными отклонениями.

Поездка на автобусе была для меня чем-то вроде выходного дня. Я рассматривал городские достопримечательности, хотя они давно мне знакомы. Это было в Южной Калифорнии. Погода там практически всегда великолепная, если, конечно, не смог. В те годы ситуация со смогом была гораздо хуже, чем сейчас. Билет на автобус стоил 25 центов, еще десять центов приходилось платить за пересадку. На летних каникулах, пока мама работала, я иногда катался на автобусе целыми днями. Мне тогда было 12, но я уже предпочитал глубоко мыс-

лить. В один прекрасный день я осознал, что *если бы мог сам компостировать пересадочные талоны, то поездки на автобусе стали бы бесплатными*³.

Мой отец и мои дяди были бизнесменами и работали в торговле. Все они умели убеждать. Думаю, я унаследовал это качество от них.

Мой отец и мои дяди были бизнесменами и работали в торговле. Все они умели убеждать. Думаю, я унаследовал это качество от них. С самого раннего детства мне удавалось уговаривать людей делать что-либо за меня. Вот и в тот день, когда мне пришла в голову эта гениальная идея, я подошел в начало автобуса и сел поближе к водителю. Когда он остановился на светофоре, я спросил у него:

«Знаете, мне тут в школе дали творческое задание. Мне нужен дырокол, чтобы пробивать им на картоне разные узоры. Вот бы мне такой дырокол, как тот, которым вы компостируете пересадочные билеты. Не подскажете, его можно где-нибудь купить?»

Я и не думал, что водитель поверит в такую чушь – слишком уж неправдоподобно звучала моя история. Думаю, у него даже не возникла мысль о том, что такой пацан, как я, может им манипулировать. Он сказал мне название магазина, я позвонил туда и узнал, что они действительно продают дыроколы по 15 долларов за штуку. Когда вам было 12, вы могли придумать для матери убедительную причину, почему вам вдруг понадобились 15 долларов? У меня все прошло как по маслу. Уже на следующий день я купил в магазине дырокол. Однако это был только Первый Шаг. Где мне можно было взять целые билеты?

Хорошо, а где моют автобусы? Я пошел в ближайший автопарк, нашел недалеко большой мусорный ящик, заглянул внутрь...

Джекпот!

Я набил карманы не до конца использованными блокнотами, где нашлась масса непробитых пересадочных талонов. Это был мой первый опыт в науке, которую позже назовут мусорологией.

Память у меня всегда была отличной. Мне удалось запомнить расписание большинства автобусов, которые ходили в долине Сан-Фернандо. Я стал ездить на автобусах повсюду, куда только можно было доехать: графство Лос-Анджелес, графство Риверсайд, графство Сан-Бернардино. Я наслаждался видами этих разнообразных мест, осматривал окружающий мир⁴.

Странствуя таким образом по различным местам, я познакомился с мальчишкой Ричардом Уильямсом. Он делал примерно то же, что и я, но его метод путешествий отличался двумя существенными нюансами. Во-первых, Ричард мог ездить бесплатно на вполне законных основаниях: его катал отец, который был водителем автобуса. Второй же момент не позволил нам сблизиться (по крайней мере поначалу). Причиной тому стала разница в весовых категориях. Ричард был очень грузным. Пять-шесть раз в день он нагуливал аппетит, хотел

³ Эта мысль будет понятнее, если представлять себе принцип использования пересадочных билетов, которые применялись в то время. Вот что рассказывает об этих билетах сам Митник в первой главе книги «Искусство обмана»: «Под термином „билет с пересадкой“ подразумевается возможность для человека сменить автобусные маршруты и продолжить поездку к месту назначения, но я придумал, как использовать „билеты с пересадкой“ для бесплатных путешествий туда, куда мне хотелось. Добыча пустых „билетов с пересадкой“ была прогулкой по парку: мусорные корзины на автобусных станциях были всегда заполнены только частично использованными билетами, которые выбрасывали сами водители перед сменой маршрутов. С пачкой пустых листов и дыроколом я мог отмечать только мои поездки и путешествовать везде, где ходили автобусы Луизианы. По прошествии времени я имел все расписания маршрутов для всей системы и к тому же заученные наизусть. Это – ранний пример моей удивительной памяти на определенные типы информации, и сейчас я могу вспомнить телефонные номера, пароли и другие заметки начиная с раннего детства» (источник: http://www.iks.ru/~kulakov_d/mi.htm, автор перевода – Valient Newman).

⁴ В оригинале – игра слов. «Take in» на американском английском означает «осматривать достопримечательности», а на литературном английском – «обманывать» (<http://89.108.112.68/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=taking+in>).

заглянуть в закусочную и съесть там очередной огромный гамбургер. Я почти сразу перенял его привычку неправильно питаться и стал толстеть.

Прошло совсем немного времени, и какая-то блондиночка с косой, с которой мы вместе ездили на автобусе в школу, сказала: «Парнишка, тебя ж разнесло. Тебе бы маленько похудеть...»

Думаете, я последовал ее грубому, но, бесспорно, дельному совету? Нет, конечно!

Не возникло ли у меня проблем из-за лазанья по мусоркам, махинаций с пересадочными билетами и бесплатным катанием? Ни малейших. Мама считала, что я поступаю правильно, отец видел в этом проявление инициативности, а водители автобусов, знавшие, что я сам компостирую себе билеты, находили это очень забавным. Было круто ощущать, что все, кто знал о моих обманах, только и говорили: «Какой молодец!»

На самом деле я прикрыл бы эту лавочку, даже если бы окружающие и не восхищались моими маленькими преступлениями. Могли кто-нибудь подумать, что простой поход за покупками преподаст мне урок и заставит сделать на жизненном пути серьезный поворот, который вел в нерадужное будущее.

Глава 2

Просто посмотреть

*Wbth lal voe htat oy voe wxbirtn vfzbqt wagye C poh aeovsn vojgav?*⁵

Многие еврейские семьи, которые не отличаются религиозностью, хотят, чтобы сын прошел обряд бар-мицвы⁶. Я был как раз таким сыном. Во время обряда мальчик стоит перед членами общины и читает отрывок из свитка Торы на иврите. Как известно, в иврите используется особенный алфавит, с такими символами, как א, ב, מ и т. д. Поэтому на то, чтобы выучить фрагмент из Торы, может уйти несколько месяцев.

Я был зачислен в еврейскую религиозную школу в Шерман-Оукс, но меня выгнали за то, что я занимался на уроках посторонними вещами. Мама нашла кантора, который согласился дать мне частные уроки. Теперь я уже не мог читать во время занятий техническую книгу, спрятанную под партой. Мне удалось выучить отрывок достаточно хорошо и выполнить свой долг. Я вслух прочитал этот фрагмент перед общиной, запинаясь не более, чем обычно, и не оконфузился.

Позже родители ругали меня за то, что я пытался передразнивать акцент и жестикуляцию раввина. Однако я это делал подсознательно. Потом узнал, что такая техника очень эффективна, поскольку человека привлекают другие люди, которые похожи на него. Так в юном возрасте совершенно неосознанно я уже занимался тем, что позже стало называться социальной инженерией. Эта ненамеренная или намеренная манипуляция заставляла людей делать вещи, которые они не совершили бы добровольно. Причем данный метод не вызывает ни малейших подозрений.

Потом на приеме в ресторане «Одиссей» пролился целый дождь подарков от родственников и других свидетелей бар-мицвы. Среди этих подарков я получил и несколько долгосрочных облигаций банка США, которые составили в денежном выражении удивительно кругленькую сумму.

Я очень любил читать, но меня интересовали книги только по определенным темам. Эта страсть привела меня в книжный магазин Survival, который находился в Северном Голливуде. Магазин был небольшой, к тому же и район был достаточно бедным. Этой лавочкой заведовала немолодая приветливая дама-блондинка, она разрешила обращаться к ней по имени. В данном магазине я словно обнаружил пиратский клад. В те годы моими кумирами были Брюс Ли, Гарри Гудини и Джим Рокфорд – крутой сыщик, которого блестяще сыграл Джеймс Гарнер в фильме «Досье детектива Рокфорда». Рокфорд умел взламывать замки, манипулировать людьми и выдавать себя за другого человека. Он делал все это за считанные секунды. Я очень хотел научиться всем его классным трюкам.

В магазине Survival нашлись различные книги. Они рассказывали не только о том, как овладеть всеми приемами Рокфорда. С 13 лет я проводил здесь многие выходные, читал целыми днями одну книгу за другой. Больше всего мне запомнилась книга Барри Рейда «Путешествие с бумажкой». В ней рассказывалось, как выдать себя за другого человека, воспользовавшись свидетельством о рождении любого случайного прохожего.

Из книги «Игра в Большого брата», автором которой был Скотт Френч, я узнал, как добывать информацию из полицейских участков.

⁵ Как называлась та центральная телефонная станция, где меня почти поймали?

⁶ Бар-мицва – церемония, которую проходит еврейский мальчик, достигший 13 лет. С этого момента он считается взрослым и обязан исполнять все заповеди Торы. Подробнее: http://chassidus.ru/libraiylau/bar_mitzva.htm

В книге «Игра в Большого брата», автором которой был Скотт Френч, подробно описывалось, как завладеть личной карточкой водителя, документами на ту или иную собственность, кредитными счетами, банковской информацией, засекреченными телефонными номерами. Поэтому произведение Френча заменило мне «Путешествие с бумажкой». Кроме того, из этой книги я узнал, как добывать информацию из полицейских участков. Позже, когда Френч писал второй том, он позвонил мне и поинтересовался, не хочу ли я написать главу о социальной инженерии при манипулировании телекоммуникационными компаниями. В то время мы с соавтором как раз писали нашу вторую книгу *«Искусство проникновения»*. Я был слишком занят, чтобы поучаствовать в проекте Френча, но мне понравилось такое совпадение. Подобная просьба мне льстила.

Как вы уже поняли, магазин ломился от подпольной литературы, книг, которые учили запретным вещам. Мне это очень нравилось, так как всегда страшно хотелось сорвать такой запретный плод с дерева. Я впитывал знания, которые должны были стать просто бесценными через 20 лет, когда я был в бегах.

Кроме книг в магазине продавались товары, которые меня очень заинтересовали. Это были отмычки. Я купил несколько разных видов. Есть старый анекдот. Вора спрашивают: «Как вам удалось проникнуть в Карнеги-холл?» Он отвечает: «Да я давно уж напрактиковался...» Именно на практике я постигал искусство вскрытия замков. Я находил время и спускался в общий гараж нашего дома, где было множество ячеек для временного хранения вещей. Все они запирались на висячие замки. Там я вскрывал несколько таких замков, менял их местами и снова закрывал. Тогда эти проделки казались мне веселыми розыгрышами, но теперь я понимаю, что вызвал у многих людей праведный гнев и доставил им немало хлопот. Все это кажется смешным только подростку.

Однажды, когда мне было около 14, мы гуляли с дядей Митчеллом, который тогда являлся для меня примером подражания. Мы отправились в службу регистрации транспортных средств, а помещение было переполнено людьми. Дядя велел мне подождать, а сам пошел прямо к конторке (да, так и пошел мимо длинной очереди).

Дама за конторкой, которая выглядела очень скучно, с удивлением взглянула на него. Дядя не дал ей закончить работу с мужчиной у окошка и просто начал говорить. Стоило ему сказать всего несколько слов, как женщина кивнула, попросила второго мужчину пропустить дядю и обслужила Митчелла. Мой дядя умел находить подход к людям.

Кажется, и у меня был такой талант. Это оказался первый в моей памяти практический пример социальной инженерии.

Пока другие ребята чинили телевизоры в ближайшей ремонтной мастерской, я пошел по стопам Стива Джобса и Стива Возняка.

Как ко мне относились люди в средней школе Монро? Учителя сказали бы, что я всегда вытворял какие-то неожиданные вещи. Пока другие ребята чинили телевизоры в ближайшей ремонтной мастерской, я пошел по стопам Стива Джобса и Стива Возняка и стал сам делать синюю коробку⁷, которая помогала мне манипулировать телефонной сетью и даже бесплатно звонить. Я всегда брал с собой на уроки портативную самодельную рацию и говорил по ней во время обеда и на переменах.

Один из одноклассников изменил мою жизнь. Стивен Шалита был высокомерным парнем и воображал себя подсадным полицейским. Его машину просто окутывали радиоантенны. Стивену нравилось демонстрировать фокусы, которые он умел проделывать с телефоном. Честно говоря, умел он немало. Шалита показывал, как заставить людей звонить ему, к тому же ему удавалось скрыть свой реальный номер. Он делал это через испытательный

⁷ Подробнее о таком механизме рассказано в «Википедии» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Blue_box).

канал телекоммуникационной компании. Такой прием назывался «номер обратного вызова». Он звонил на один номер, присвоенный этому каналу, и в то же время на второй звонили с другого телефона. Между двумя абонентами на линии, как по волшебству, возникало соединение. Стивен мог узнать имя и адрес обладателя любого телефонного номера, как общедоступного, так и секретного. Для этого нужно было позвонить в Службу имен и адресов (CNA) телефонной компании. Так одним-единственным звонком он узнал номер моей мамы, а его не было в справочнике. Вот это фокус! Значит, Стивен мог узнать любой телефонный номер и адрес, даже кинозвезды. Казалось, весь штат телефонной компании только и ждет, чтобы помочь Стивену.

Я был удивлен, заинтригован и сразу же стал сообщником Шалита. Я страстно желал научиться всем его невероятным трюкам. Однако моему приятелю было интересно только хвастаться умениями, а не рассказывать, *как* все это работает, как ему удалось стать таким блистательным социальным инженером и манипулировать людьми, с которыми он говорил.

Скоро я уже жадно хватал все крупницы знания о телефонном мошенничестве, или фрикинге, которыми Стивен готов был со мной поделиться. Большую часть свободного времени я тратил на исследование телефонных сетей, учился сам и даже находил такие вещи, о которых Шалита и не подозревал. Оказалось, что фрикеры складывали особую субкультуру. Сейчас ее назвали бы социальной сетью. Я стал знакомиться с людьми, которые интересовались теми же вещами, что и я, ходить на их посиделки, хотя некоторые фрикеры были настоящими занудами, социально неразвитыми и неинтересными людьми.

Казалось, что я был рожден заниматься социально-инженерными аспектами фрикинга. Мог ли я убедить телефонного техника среди ночи поехать на ЦТС, то есть центральную телефонную станцию – ближайший коммутационный узел, где устанавливаются телефонные соединения между звонящими друг другу абонентами, – чтобы установить неотложное соединение? Да, я умел убедить рабочего, что звоню с другой ЦТС или что я линейный монтер и работаю где-нибудь в поле. Это удавалось мне без особого труда. Я уже знал о своем таланте к таким делам, но именно школьный товарищ Стивен показал мне, какую силу могут дать подобные умения.

Принципиальная тактика была простой. Прежде чем заняться социальной инженерией с определенной целью, нужно все разузнать. Необходимо собрать данные о компании, о том, как работает конкретный отдел или служебное подразделение, каковы его задачи, к какой информации имеют доступ сотрудники отдела, узнать стандартную процедуру подачи запросов, кому и куда они обычно подаются, при каких условиях оператор выдает желаемую информацию, а также изучить сленг и терминологию компании.

Методы социальной инженерии работают просто потому, что люди склонны доверять всем, кто располагает к себе, например уполномоченному сотруднику компании. В этот момент и начинается исследование. Когда я был готов звонить на секретные номера, я набрал номер одного контактного представителя телефонной компании и сказал: «Здравствуйте, это Джейк Робертс из отдела конфиденциальной информации. Мне нужно поговорить со старшим оператором».

Когда старший оператор подошла к телефону, я снова представился и спросил: «Вы получали уведомление о том, что мы собираемся изменить телефонный номер?»

Она отошла ненадолго, проверила, потом снова взяла трубку и ответила: «Нет, не получали».

Тут я спрашиваю: «Вы звоните нам по номеру 213 687-9962?»

Она отвечает: «Нет, 213 320-0055».

Бинго!

«Хорошо, – говорю я. – Мы пошлем уведомление об изменении на второй уровень (так в этой компании именуют менеджера среднего звена). Продолжайте звонить нам по номеру 320-0055, пока не получите уведомления».

Когда я позвонил в отдел конфиденциальной информации, оказалось, что мое имя должно быть в списке сотрудников с разрешенным допуском и сопровождаться внутренним номером обратного вызова. В противном случае оператор не может сообщить мне никакой информации об абонентах. Новичок или некомпетентный социальный инженер сразу бы запутался, а это вызвало бы подозрения.

Я начинал импровизировать: «Странно, менеджер сказал мне, что добавил меня в список. Нужно ему сообщить, что вы не получили об этом уведомление».

Тут еще одна проблема: я каким-то образом должен предоставить любой внутренний телефонный номер компании, куда мне якобы можно позвонить!

Мне пришлось набрать три бизнес-отдела, прежде чем я нашел менеджера среднего звена. За этого человека я мог себя выдать. Я ему говорю: «Это Том Хансен из отдела конфиденциальной информации. Мы обновляем списки сотрудников с разрешенным допуском. Вас в списке оставить?»

Конечно же, он согласился.

Тогда я попросил его внятно произнести имя и фамилию и указать его телефонный номер. Проще простого.

Потом я позвонил в RCMAC, так называемый Уполномоченный центр по работе с недавними изменениями данных. Этот отдел телефонной компании занимается добавлением либо удалением абонентских телефонных услуг, например услуг для отдельных абонентов, предоставляемых по специальному договору. Позвонив туда, я представился менеджером из бизнес-отдела. Мне без труда удалось уговорить оператора добавить переадресацию вызова на линию менеджера, поскольку номер принадлежал компании Pacific Telephone.

Если говорить о деталях, то моя схема работала так: я звонил технологу в нужный центральный отдел. Он считал, что я электромонтер, который работает на местности, переключался на менеджерскую линию с помощью трубки-тестера и набирал номер, который я ему называл. Технолог переадресовывал вызов с менеджерского телефона на линию обратной связи, которая действовала в телефонной компании. Линия обратной связи – это особый канал с двумя номерами. Когда два абонента звонят на эту линию, набирая соответствующий номер, между ними устанавливается соединение, напоминающее звонок друг другу.

Я дозванивался до канала обратного вызова и разделял его на три полосы, переадресовывал весь канал на третий номер, который только звонил, звонил, звонил.

Я дозванивался до канала обратного вызова и разделял его на три полосы, переадресовывал весь канал на третий номер, который только звонил, звонил, звонил. Поэтому, когда из отдела конфиденциальной информации шел обратный вызов на линию уполномоченного менеджера, звонок переадресовывался на линию обратной связи, а вызывающий абонент слышал только гудки. Я выдерживал паузу в несколько гудков, а потом отвечал: «Pacific Telephone, Стив Каплан слушает».

На этом этапе сотрудник выдавал мне любую необходимую конфиденциальную информацию. Затем я звонил обратно технику и отключал переадресацию.

Чем сложнее проблема, тем больше она возбуждает. Описанный трюк работал годами, думаю, сработает и сегодня!

Я сделал серию звонков за долгий период времени, ведь в отделе конфиденциальной информации могли возникнуть подозрения, если бы я запросил номера нескольких знаме-

нитостей сразу и заполучил телефонные номера и адреса Роджера Мура⁸, Люсиль Болл⁹, Джеймса Гарнера¹⁰, Брюса Спрингстина¹¹ и многих других. Иногда я звонил им, и кто-то поднимал трубку. Тогда я говорил что-то вроде: «Эй, Брюс, что случилось?» Никакого вреда я не наносил, но как же захватывающе было получать любой номер, который хотел знать!

В средней школе Монро проходили курсы по информатике. Я не показал высоких результатов по математике и другим точным наукам и не прошел туда по конкурсу. Однако мистер Крист, преподаватель, видел, как сильно я хочу посещать эти занятия. Он знал, как много я уже выучил самостоятельно, и допустил меня. Думаю, он потом сожалел об этом: я стал для него сплошной морокой. Я узнавал все пароли к мини-компьютеру нашего школьного округа, несмотря на то что Крист постоянно менял их. В отчаянии, надеясь перехитрить меня, преподаватель пробил пароль на кусочке компьютерной перфокарты. До того как появились дискеты, именно на перфокартах хранилась информация. Потом учитель всякий раз, когда хотел войти в систему, прогонял этот кусочек через считыватель перфолент. Крист держал этот бумажный ключ в кармане рубашки. Ткань была очень тонкой, и узор отверстий отлично просвечивался сквозь нее. Мои одноклассники помогли реконструировать расположение дырочек на бумаге, и я снова узнавал пароль всякий раз, как учитель его менял. Он так и не догадался, как мне это удавалось.

В кабинете информатики стоял старый телефон с дисковым набором номера. Аппарат предназначался только для звонков на номера в нашем школьном округе. Я стал пользоваться им, чтобы связываться с компьютерами Университета Южной Калифорнии. Я говорил телефонистке на коммутаторе: «Это Крист. Внешнюю линию, пожалуйста». Потом играл в компьютерные игры на машинах университета. После многочисленных звонков у оператора появились подозрения, и я применил тактику фрикеров: позвонил прямо на коммутатор телефонной компании и отключил ограничение. Теперь я мог звонить в Университет Южной Калифорнии, когда мне вздумается. Наконец, учитель понял, что я могу делать исходящие вызовы в неограниченном количестве.

Вскоре Крист гордо объявил всему классу, что собирается раз и навсегда оградить меня от звонков в университет, и показал замок, сделанный специально для телефонов. Когда его продевали в отверстие с цифрой 1, пользоваться телефоном было невозможно.

Как только преподаватель защелкнул замок на виду у всего класса, я достал рацию и начал щелкать рычажком. Девять коротких щелчков для девятки, которая выводила меня на внешнюю линию, семь коротких щелчков для семерки. Четыре – для четверки. Не прошло и минуты, а я опять дозвонился до университета.

Для меня это была просто интеллектуальная дуэль. Однако бедный мистер Крист был посрамлен. Он покраснел, схватил телефон со стола и *швырнул* его через весь класс.

Тем временем я изучал RSTS/E¹² (произносится «рис-тис-е»), операционную систему, которая разработана корпорацией Digital Equipment Corporation (DEC) и используется на мини-компьютере в школе, что в центре Лос-Анджелеса. Неподалеку в Нортбридже располагался кампус Калифорнийского технологического института. На компьютерах этого студенческого городка также работала RSTS/E. Я договорился о встрече с деканом факультета информатики Уэсом Хэмптоном и сказал: «Я крайне заинтересован изучением информатики. Нельзя ли мне заплатить и заниматься на ваших компьютерах?»

«Нет, они только для студентов университета».

⁸ Знаменитый американский актер (род. 1927), прославился как исполнитель роли Джеймса Бонда.

⁹ Знаменитая американская комедийная киноактриса (1911–1989).

¹⁰ Знаменитый американский актер (род. 1928), лауреат премий «Эмми» и «Золотой глобус», играл в кинофантастике.

¹¹ Американский рок- и фолк-музыкант, композитор (род. 1949).

¹² Перевод аббревиатуры – «многопользовательская операционная система с разделением времени».

Все же я не привык так легко сдаваться. «Я учусь в школе Монро. У нас кабинет информатики закрывается сразу же после уроков, в 15:00. Вы не хотите организовать программу, чтобы ученики нашей школы могли учиться информатике на ваших компьютерах?»

На первый раз он мне отказал, но вскоре перезвонил. «Мы решили предоставить вам допуск на работу с нашими компьютерами, – сказал мужчина. – Оформить на вас учетную запись не получится, так как вы не студент, поэтому я решил предоставить вам доступ с моей личной учетной записи. Логин – ‘5,4’, пароль – ‘Wes’».

И этот человек возглавлял факультет информатики, считая надежным паролем свое уменьшительное имя? Тоже мне безопасность!

Я начал изучать языки программирования Fortran и Basic. Всего после нескольких недель занятий по информатике я написал программу, которая позволяла красть у пользователей их пароли. Студент, который пытался войти в систему, видел баннер, в точности походивший на форму авторизации, но на самом деле это была моя программа, и она выдавала себя за компонент операционной системы. Она сделана специально для того, чтобы пользователи вводили в нее логины и пароли (сегодня такую кражу назвали бы фишинговой атакой). Кстати, один из лаборантов кабинета информатики помог мне с отладкой моего кода. Лаборанты находили очень прикольным то, что какой-то школьник научился воровать пароли. Всякий раз, когда студенты входили в систему, моя маленькая программа запускалась и начинала работать на терминалах класса информатики. В это время логин и пароль пользователей тайно записывались в специальный файл.

Зачем? Мне и моим друзьям казалось, что очень круто иметь доступ ко всем данным. Не было никакого дьявольского плана, мы собирали информацию просто так. Это была одна задачка среди тех, что я ставил перед собой на протяжении всей моей ранней юности с того времени, как увидел первый фокус. Могли я сам овладеть такими фокусами? Мог ли научиться дурачить людей, приобрести могущество, которое мне не полагалось?

Чуть позже один из лаборантов сдал меня системному администратору. Дальше, насколько я знаю, три полицейских из охраны кампуса штурмом взяли класс информатики. Они арестовали меня и держали до тех пор, пока мама за мной не пришла.

Декан факультета, который разрешил мне работать в лаборатории и заходить в систему через его аккаунт, был просто в ярости. Тогда он практически ничего не мог мне сделать: в уголовном кодексе не было законов, связанных с компьютерами, и меня было не в чем обвинить. Однако все мои привилегии были отменены, и мне приказали держаться подальше от кампуса.

Моей маме сказали: «В следующем году в Калифорнии должен быть принят закон, в соответствии с которым хулиганство Кевина будет считаться преступлением». Конгресс США еще четыре года не принимал федеральный закон о компьютерных преступлениях. Однако это пришлось сделать, когда Конгресс узнал длинный список моих деяний.

Так или иначе, угроза меня не испугала. Прошло совсем немного времени, и я научился переадресовывать на свой номер вызовы от абонентов Род-Айленда. Они на самом деле звонили в справочную службу. Как интересно позабавиться с людьми, которые хотят узнать телефонный номер! Обычно после такого звонка происходил разговор примерно следующего содержания.

Я: «Город?»

Абонент: «Провиденс».

Я: «Имя, фамилия, пожалуйста».

Абонент: «Джон Нортон».

Я: «Телефон домашний или служебный?»

Абонент: «Домашний».

Я: «Номер: восемь-три-шесть-пять с половиной-шесть-шесть».

Вот тут абонент обычно или озадачивался, или возмущался.

Абонент: «Как же мне набрать пять с половиной?!»

Я: «Идите купите новый телефон, с 0,5 на диске».

Реакции были уморительны.

В те времена в Лос-Анджелесе работали две самостоятельные телефонные компании. General Telephone and Electronics Corporation (GTE) обслуживала северную часть долины Сан-Фернандо, где жили мы. Все звонки на расстояние более 12 миль¹³ оплачивались по междугородному тарифу. Разумеется, я не хотел, чтобы маме приходил разорительный счет, поэтому некоторые звонки делал на частоте местного любительского автопатча.

Как-то раз в эфире у меня случилась ожесточенная словесная перепалка с оператором ретрансляционной станции. Он отчитал меня за идиотские звонки. Оператор заметил, что я регулярно набираю длинные номера, на которые звоню через авто-патч. Я не соби-рался объяснять, что эти длинные номера позволяют мне бесплатно звонить по межгороду через службу специального телекоммуникационного оператора, который назывался MCI. Хотя оператор и не понимал, чем я на самом деле занимаюсь, ему не нравилось, что я использую автопатч таким странным образом. Нас слушал в эфире еще один парень. Позже он свя-зался со мной, представился и дал мне номер своего телефона. Его звали Льюис де Пейн. Я позвонил ему в тот же вечер. Льюис сказал, что ему очень интересно, чем это я занимаюсь.

Мы познакомились и подружились, эта дружба продлилась почти 20 лет. Льюис был худым странноватым парнем из Аргентины. Свои коротко постриженные черные волосы он всегда зачесывал назад. Льюис носил усы, так как полагал, что они делают его взрослее.

По части хакерских предприятий я доверял Льюису как никому, хотя это был человек из одних противоречий, очень вежливый, который все время старался взять верх.

По части хакерских предприятий я доверял ему как никому, хотя это был человек из одних противоречий, очень вежливый, который все время старался взять верх. Ботаник оде-вал старомодные водолазки и расклешенные брюки. Несмотря на отсутствие вкуса, он обла-дал всем набором социальных навыков. Это был сдержанный и очень гордый человек.

У нас с Льюисом было схожее чувство юмора. Я считал и до сих пор считаю, что любое хобби, которое нельзя назвать веселым, не стоит потраченного времени и усилий. Я и Льюис жили на одной волне. Мы придумали шутку, которую назвали «Хакеры из „Макдоналдса“». Мы догадались, как переделать двухметровую радиоантенну так, чтобы можно было гово-рить из репродуктора, который висел над окном «Макдрайва» и над тем местом, где посе-тители заказывали свой любимый фастфуд. Мы подъезжали к «Макдоналдсу», парковались там, откуда могли наблюдать за происходящим и оставаться незамеченными, настраивали наш портативный радиоприемник на частоту ресторана и развлекались.

Например, подъезжает к окошку макдрайва полицейская машина. Как только она поравняется с репродуктором, я или Льюис объявляем: «Извините. Мы здесь копов не обслу-живаем. Отправляйтесь лучше в Jack in the box». Как-то раз одна дама притормозила под репродуктором и услышала мой голос: «Покажешь сиськи – и „Биг Мак“ за счет заведения!» Она шутку не поняла, заглушила машину, выхватила что-то из сумки и вбежала в ресторан, размахивая бейсбольной битой.

¹³ Около 19 км.

Мой коронный номер назывался «Бесплатный яблочный сок». После того как клиент оформлял заказ, мы сообщали, что автомат с кубиками льда сломался, поэтому мы раздаем бесплатный сок. «У нас есть грейпфрутовый, апельсиновый... Ой, извините, кажется, и грейпфрутовый, и апельсиновый закончились. Вы желаете яблочный сок?» Посетитель, конечно же, соглашался. Мы включали запись звука льющейся в чашку мочи, а потом говорили: «Хорошо. Ваш яблочный сок готов. Подъезжайте к окошку и забирайте».

Я и Льюис полагали, что забавно сбивать людей с толку, не давая им сделать заказ. Когда громкоговоритель был в нашей власти, мы ждали, пока клиент притормозит и что-нибудь закажет. Потом один из нас повторял этот заказ, но с сильным индийским акцентом, который почти ничего не позволял разобрать. Клиент говорил, что он не понимает, а мы снова и снова отвечали еще что-то совершенно неразборчивое, раз за разом доводя заказчиков до истерики.

Самое интересное заключалось в том, что все те вещи, которые мы произносили на «Макдрайве», так же четко раздавались из громкоговорителя, но сотрудники не могли с этим справиться. Иногда мы замечали, как другие клиенты за столиками на свежем воздухе заходились от смеха. Однако никто не понимал, что происходит.

Как-то раз вышел менеджер и попробовал разобраться, что случилось с громкоговорителем. Он осмотрел парковку, почесывая в затылке. Никого вокруг не было. Машины были пустыми. Никто не прятался за знаком ресторана. Менеджер подошел к мегафону и вплотную к нему прислонился, он словно пытался разглядеть внутри какого-то маленького человечка.

«Какого черта ты тут высматриваешь?!» – возопил я скрипучим голосом.

Менеджер отскочил, наверное, метра на три.

Иногда, когда мы хулиганили, люди, которые жили в соседних домах, выходили на балконы и веселились. Даже те, кто проходил мимо по тротуару, плакали от смеха. Мы с Льюисом порой даже приглашали друзей на такие представления – очень уж это было забавно.

Да, слишком по-детски, но нам тогда было по 16 или 17 лет.

Некоторые мои выходки были не такими невинными. Я выдвинул себе правило: ни при каких условиях не проникать на территорию телефонных компаний. Однако меня одолевала соблазн, я понимал, что так мог получить доступ к оборудованию, почитать технические мануалы, то есть руководство пользователя, такой компании. Для меня это являлось не столько правилом, сколько пожеланием.

Как-то ночью в 1981 году, когда мне было 17 лет, я бродил по улице с товарищем по телефонному фрикингу, Стивеном Родсом. Мы решили проникнуть в центральный офис Pacific Telephone – «Сансет-Говер» в Голливуде. Поскольку телефонным фрикингом мы уже занимались давно, последним непокоренным рубежом оставалось *личное* проникновение на территорию компании. Для попадания внутрь нужно было набрать правильный код на клавиатуре на внешней двери. При помощи социальной инженерии мы без труда добыли код, открыли дверь и вошли в здание.

Господи, как же интересно! Для нас это был выход в финал. Однако что мы должны были искать?

Вдруг к нам подходит амбал-охранник, который прохаживался вокруг здания. Он похож на вышибалу из ночного клуба или на бокового арбитра с матча по американскому футболу. Если бы такой мужик просто встал перед вами по стойке смирно, у вас бы сердце ушло в пятки. Однако почему-то чем сложнее ситуация, тем спокойнее я становлюсь.

Действительно, я выглядел слишком молодо, чтобы сойти за штатного сотрудника, но все равно решил попробовать. «Привет, – говорю, – как работается сегодня?»

Он отвечает: «Спасибо, сэр, хорошо. Предъявите, пожалуйста, ваши идентификационные карточки».

Я обшарил карманы: «Черт возьми, забыл в машине, наверное. Сейчас схожу принесу». Он не купился на это и отвечает: «Нет, вы оба подниметесь со мной».

Мы не спорим.

Он приводит нас в центр управления коммутацией на девятый этаж, где работают другие сотрудники.

Сердце бьется как барабан. Грудь готова разорваться.

Подходит пара телефонистов, им интересно, что происходит. Я понимаю, что мой единственный выход – попытаться сбежать от охранника, но все равно знаю, что шансов выбраться из комплекса практически нет. Я начинаю отчаиваться. Кажется, что между мной и тюрьмой остался лишь тонкий слой навыков социальной инженерии.

Я уже знаю достаточно имен и должностей сотрудников Pacific Telephone, иду на хитрость и говорю: «Я работаю в компании COSMOS в Сан-Диего. Решил показать приятелю, как выглядит наш головной офис. Можете позвонить моему начальнику и убедиться». Называю имя менеджера, который давно работает в компании COSMOS. Слава Богу, я обладатель хорошей памяти, но знаю, что мы с другом не сильно похожи на сотрудников этой компании.

Охранник ищет имя менеджера в списке, находит номер ее домашнего телефона. Несколько гудков – и она поднимает трубку. Охранник просит прощения за поздний звонок и рассказывает всю ситуацию.

Я прошу: «Дайте мне с ней поговорить».

Охранник передает мне трубку, я плотно прижимаю ее к уху и молюсь, чтобы никто не услышал слов менеджера. Начинаю импровизировать: «Джуди, мне правда очень неловко, но я хотел показать приятелю коммутационный центр нашей компании, а идентификационную карточку забыл в машине. Охраннику просто нужно убедиться, что я работаю в центре COSMOS в Сан-Диего. Надеюсь, вы не будете обвинять меня за это недоразумение».

Я делаю небольшую паузу, как будто слушаю ее. Она восклицает: «Это кто? Я вас знаю? Что вы там делаете?!»

Я начинаю заново. «Понимаете, я так или иначе должен был приехать сюда утром, у нас назначено собрание по изучению нового мануала. В 11:00 в понедельник меня запланирована консультация с Джимом. Может, захотите составить нам компанию? Во вторник мы с вами договорились пообедать. Вы не передумали?»

Еще одна пауза. Она продолжает возмущаться.

«Извините. Простите еще раз, что так не вовремя», – говорю я.

После этого вешаю трубку.

Охранник и телефонисты в замешательстве. Они думали, я отдам им телефон и менеджер подтвердит, что все в порядке. Даже не представляете, какая мина была на лице у охранника, но не решится же он позвонить ей *опять*?

Я объясняю: «Видимо, ее просто разозлил звонок в полтретьего ночи».

Потом добавляю: «Я хотел показать товарищу еще всего пару вещей. Минут десять – и нас здесь нет».

Я выхожу, Роудс идет за мной.

Конечно, хочется броситься и убежать, но я знаю, что этого делать нельзя.

Доходим до лифта. Я решительно нажимаю кнопку первого этажа. Мы выходим из здания и с облегчением вздыхаем. Мы напуганы до смерти, поскольку даже не надеялись выбраться.

Я знаю, что эта история еще не закончена. Наверняка дамочка всех лихорадочно обвиняет, пытается понять, кто мог узнать ее номер, который записан в журнале на проходной в компании «Сансет-Говер», причем позвонить посреди ночи.

Мы садимся в машину. Я немного отъезжаю от здания и не включаю фар. Мы останавливаемся и смотрим на дверь в здание.

Минут через десять оттуда выходит тот огромный охранник, смотрит по сторонам и думает, что мы, черт возьми, давно смылись. Конечно, он ошибается.

Я жду, пока он зайдет обратно, а потом уезжаю, но включаю свет только тогда, когда мы повернули за угол.

Все висело на волоске. Если бы амбал вызвал копов, нас бы обвинили в незаконном проникновении или даже во взломе. Тогда бы мы со Стивом отправились в изолятор для несовершеннолетних.

В ближайшее время я точно не собирался возвращаться в телефонную компанию, но уже чувствовал вдохновение предпринять что-то еще, что-то большое для того, чтобы проверить свою изобретательность.

Глава 3

Первородный грех

*Nyrk grijnfiu uzu Z xzmv kf jvk lg re rttflek fe Kyv Rib?*¹⁴

Когда я научился добывать конфиденциальные номера, мне стало интересно разыскивать информацию обо всех: друзьях, друзьях друзей, учителях и даже о совершенно посторонних людях. Служба регистрации транспортных средств (DMV) – это огромный склад информации. Был ли способ заполучить ее?

Как-то я позвонил в офис DMV с телефона-автомата в ресторане и сказал: «Здравствуйте, это офицер Кэмпбелл, департамент полиции Лос-Анджелеса, участок Ван Ньюс. Наша компьютерная сеть вышла из строя. Нашим сотрудникам, которые находятся в городе, нужна некоторая информация. Вы не могли бы помочь?»

Служащая из DMV отвечает: «А почему вы звоните не по полицейской линии?»

Да, конечно, есть же специальный телефонный номер, по которому полицейские звонят в DMV. Как мне его найти? Определенно, этот номер должны знать копы в участке. Был ли я готов к тому, чтобы позвонить в полицейский участок и узнать информацию, которая поможет мне нарушить закон? Безусловно, да.

Я набрал номер ближайшего участка и сказал, что звоню из шерифского управления графства Лос-Анджелес. Нам нужно связаться с DMV, а офицер, у которого есть номер полицейской линии, сейчас не на месте. Мне нужно получить этот телефон у оператора. Он сразу сообщил мне номер. Никаких сложностей.

Недавно, вспоминая эту историю, я решил проверить, остался ли в моей голове полицейский номер DMV из полиции, смогу ли снова туда дозвониться. Я набрал цифры. В DMV использовали телекоммуникационную систему Centrex, то есть у всех номеров был одинаковый код зоны и код предварительного набора: 916–657. Только добавочный номер, последние четыре цифры, варьировался в зависимости от района. Их-то я набрал просто наугад, так как знал, что *кто-нибудь* из DMV точно поднимет трубку, и этот человек мне поверит, поскольку я звоню на внутренний номер.

Дама, которая ответила, сказала нечто, чего я совсем не ожидал.

Я сказал: «Это номер для связи с полицией?»

Она ответила: «Нет».

«Наверное, я ошибся номером, – вырвалось у меня. – А как мне связаться с полицией?»

Представляете, она дала мне номер! Через столько лет они так ничему и не научились.

Позвонив в DMV по полицейской линии, я понял, что там есть и второй уровень защиты. Мне нужно было назвать код запроса. Как и раньше, потребовалось в мгновение ока придумать правдоподобную легенду. Стараясь говорить нервно, я произнес: «У нас тут возникла чрезвычайная ситуация, сейчас вам перезвоню».

Затем позвонил в полицейский участок Ван-Ньюс, сказал, что я из DMV и составляю новую базу данных. «Ваш код запроса – 36472?» – интересуюсь я.

«Нет, 62883», – отвечают мне.

Я понял: этот прием очень часто срабатывает. Если вы требуете какие-то конфиденциальные данные, у людей возникают подозрения. Однако если вы притворяетесь, что такая информация у вас уже есть, и даете им заведомо неверные данные, то они просто поправляют вас и тем самым выдают необходимую информацию.

¹⁴ Какой пароль я указал, чтобы сделать себе учетную запись в «Ковчеге»?

Потратив всего несколько минут на телефонные звонки, я уже мог получить номер водительских прав и домашний адрес любого жителя Калифорнии, узнать номерной знак, имя и адрес любого автолюбителя. И наоборот, назвав имя автовладельца, можно узнать подробные регистрационные данные его машины. В те времена я просто проверял свои навыки. В последующие годы DMV стала для меня кладезем информации, который я всячески использовал.

Все эти дополнительные инструменты, которые я собирал, были как послеобеденный десерт. Основной сферой моих интересов по-прежнему оставался телефонный фрикинг. Я звонил во многие отделы Pacific Telephone и General Telephone, утоляя свой голод любой информацией, которую мог получить. В ходе этих махинаций я накапливал знания о различных отделах компаний, рабочих процедурах и профессиональном сленге. Звонки я делал в отдаленные учреждения, чтобы меня не отследили. В основном я звонил с телефона мамы прямо из кондоминиума, где мы жили.

Разумеется, фрикерам нравилось набирать очки, показывать товарищам, кто чему научился. Мне доставляло удовольствие подшучивать над друзьями независимо от того, были они фрикерами или нет. Однажды я взломал коммутационный центр телефонной компании, который обслуживал район, где жил мой приятель Стив Роудс со своей бабушкой. Я изменил код категории линии и поменял код, который соответствовал домашнему телефону, на код таксофона. Когда Стив или его бабушка пытались куда-нибудь позвонить, они слышали: «Пожалуйста, внесите плату – десять центов». Конечно, они знали, чьих это рук дело, и позвонили нам, чтобы пожаловаться. Я пообещал все исправить, так и сделал, но присвоил их телефону код тюремного таксофона. Теперь, когда они пытались позвонить, оператор на линии объявлял: «Этот звонок оплачивает принимающая сторона. Ваше имя, пожалуйста». Стив позвонил мне и сказал: «Очень смешно. Теперь исправь нам телефон». Я вдоволь посмеялся и, конечно же, все вернул обратно.

Телефонные фриеры обнаружили способ, который позволяет делать бесплатные звонки, пользуясь недоработками некоторых диверторов (устройств для переадресации вызовов).

Телефонные фриеры обнаружили способ, который позволяет делать бесплатные звонки, пользуясь недоработками некоторых диверторов (устройств для переадресации вызовов), например в телефонной службе ответов. Пока эти функции не взяли на себя сами телефонные компании. Фрикер звонил в такую службу в то время, когда он точно знал, что обслуживание не ведется. Если поднимали трубку, он спрашивал: «В какие часы вы работаете?» Когда человек на том конце линии отвечал и разрывал соединение, фрикер оставался на линии. Через несколько секунд в трубке возобновлялся гудок. Тогда мошенник мог позвонить в любую точку земного шара бесплатно, то есть все расходы за связь записывались на счет компании.

Кроме того, дивертор можно было использовать для получения входящих вызовов, при обратной связи во время социально-инженерных атак.

Другой способ мошенничества с дивертором выглядел так: фрикер звонил в службу автоматического определения номера (АОН), которой пользовались инженеры телефонной компании. Таким образом он узнавал номер, соответствующий линии исходящих звонков дивертора. Зная его, фрикер мог выдать телефон за свой номер обратной связи. Для ответа по этой линии мошенник просто набирал основной служебный номер, с которого переадресовывался вызов. Однако, когда дивертор переключался на вторую линию, чтобы соединиться со службой ответов, происходил ответ на входящий вызов.

Именно таким образом однажды ночью я разговаривал со Стивом. Он ответил по линии дивертора, который принадлежал компании Prestige Coffee Shop в долине Сан-Фернандо.

Мы говорили о разных делах, связанных с фрикингом, пока нас не прервал незнакомый голос.

«Мы следим», – произнес незнакомец.

Стив и я моментально бросили трубки. Мы перешли на простое соединение и долго потешались над никудышной попыткой телефонной компании нас напугать. Мы говорили о том, что только идиоты там работают. Тут нас прервал уже знакомый голос: *«Мы все еще следим»*.

Так кто же на самом деле был идиотом?

Я не прекратил заниматься фрикингом. Вскоре GTE действительно отключила нам телефон. Я успокоил маму: у меня была идея о том, как выпутаться из этой ситуации.

Через какое-то время маме пришло письмо из General Telephone, а чуть позже нам нанес визит сам Дон Муди, руководитель отдела обеспечения безопасности этой компании. Муди предупредил маму, что если я не прекращу свои выходки, то компания GTE отключит нам телефон за ненадлежащее использование и грубые нарушения. Мама была в шоке от такой перспективы, а Муди не шутил. Я не прекратил заниматься фрикингом. Вскоре GTE действительно отключила нам телефон. Я успокоил маму: у меня была идея о том, как выпутаться из этой ситуации.

Телефонная компания соотносила каждую телефонную линию с конкретным адресом. Наш отключенный аппарат относился к квартире 13. Мое решение было совершенно элементарным: я сходил в хозяйственный магазин и подобрал цифры и буквы, которые крепятся на дверь и образуют номер квартиры. Потом я вернулся в кондоминиум, снял с двери номер «13» и прибил вместо него «12В».

Затем я позвонил в GTE и попросил соединить меня с отделом, который отвечает за регистрацию абонентов. Я объяснил, что в кондоминиуме появилась новая квартира, 12В, и попросил зарегистрировать это изменение. Мне ответили, что для внесения поправок в систему понадобится от 24 до 48 часов.

Я подождал.

Позже снова перезвонил и сообщил, что я новый жилец, занимаю квартиру 12В и хотел бы подключиться к телефонной сети. Служащая телефонной компании поинтересовалась, на какое имя зарегистрировать новый номер.

«Джим Бонд, – сказал я. – Хотя нет, пусть будет полное имя – Джеймс».

«Джеймс Бонд», – повторила женщина. Она не почувствовала никакого подвоха даже тогда, когда за дополнительную плату я попросил запоминающийся номер: 895-5... 007.

После того как телефон подключили, я снял с двери «12В» и снова заменил его на «13». Прошло несколько недель, прежде чем кто-то в GTE заподозрил неладное. Позже телефон снова отключили.

Через много лет я узнал, что, обнаружив этот фокус, GTE завела на меня дело. В то время мне было 17 лет.

Примерно в то же время я познакомился с парнем по имени Дэйв Компел, которому было лет 25. Несмотря на свой возраст, он все еще страдал от юношеских угрей, а они полностью уродовали его лицо. Дэйв занимался техническим обслуживанием мини-компьютера PDP-11/70, что относилось к Объединенному школьному округу Лос-Анджелеса (на этом компьютере работала операционная система RSTS/E). Дэйв и его близкие друзья обладали отличными компьютерными знаниями, которые я очень ценил. Мне безумно хотелось попасть в их тусовку, чтобы они делились со мной драгоценной информацией, поэтому я попытался зарекомендовать себя перед Дэйвом и его другом Нилом Голдсмитом. Нил был

полным парнем. Он носил короткие волосы, на вид был совершенно изнежен состоятельными родителями. Казалось, что в жизни его интересовали только еда и компьютеры.

Нил сказал, что они не против допустить меня в свой круг, но сначала я должен показать свои способности. Они хотели проникнуть в компьютерную систему «The Ark» («Ковчег»). Она использовалась в компании Digital Equipment и применялась группой специалистов, которые занимались разработкой RSTS/E. Нил как-то сказал: «Если ты сможешь взломать „Ковчег“, мы признаем, что тебе можно доверить нашу информацию». Чтобы мне было, с чего начать, Нил вручил номер дозвона. Он взял его у друга, который работал в команде разработчиков RSTS/E.

Нил поставил передо мной такую задачу, так как был уверен: что бы я ни делал, мне это не удастся.

Возможно, это и на самом деле была невыполнимая задача, но я собирался хотя бы попробовать.

Номер модема привел меня к форме для ввода учетных данных и последующего входа в «Ковчег». Разумеется, мне требовалось ввести действительный регистрационный номер и пароль. Однако как добыть эти данные?

В моей голове крутился план. Он теоретически должен был сработать. Для его реализации мне нужно было знать имя системного администратора, не кого-то из разработчиков, а одного из тех инженеров, которые управляли внутренней компьютерной системой в Digital. Я позвонил в коммутационный центр одного филиала, который находился в городе Мерримак, штат Нью-Гэмпшир, где был расположен «Ковчег», и попросил соединить меня с компьютерным залом.

«С каким именно?» – спросила дама на коммутаторе.

Ой. Я даже и не подумал заранее узнать, в какой именно лаборатории находится «Ковчег». Я сказал: «С тем, где занимаются разработкой RSTS/E».

«Ах, так вам лабораторию с фальшполом. Сейчас соединю». Крупные компьютерные системы часто размещались в залах с фальшполом для того, чтобы под ним можно было протянуть все кабели, рассчитанные на постоянную высокую нагрузку.

Трубку подняла другая дама. Я рисковал, но они не смогли бы отследить вызов, поэтому, даже если бы у них возникли какие-то подозрения, я потерял бы немного.

«Это PDP-11/70 для „Ковчега“, расположенного в данной лаборатории?» – спросил я, упомянув название самого мощного мини-компьютера, который на тот момент был в распоряжении DEC. Я считал, что группа разработчиков обязательно будет им пользоваться.

Она ответила, что я не ошибся.

«Это Антон Чернов», – абсолютно спокойно заявил я. Чернов был одним из основных специалистов, которые занимались разработкой RSTS/E. В этот момент я рисковал намного сильнее. Вдруг она знает его голос и поймет, что я не Чернов? «У меня проблемы со входом в один из моих аккаунтов на „Ковчеге“».

«Свяжитесь с Джерри Ковертом», – раздался голос в трубке.

Я спросил его добавочный, и дама без колебаний дала мне номер. Когда я дозвонился, то сразу сказал: «Привет, Джерри, это Антон». Я предположил, что даже если он не знает Чернова лично, то ему должно быть знакомо это имя.

«Привет, как дела?» – весело ответил он. Видимо, Джерри недостаточно близко был знаком с Черновым и не уловил, что мой голос совсем другой.

«Нормально, – ответил я. – Вы, ребята, удалили один из моих аккаунтов? Я на той неделе создал аккаунт, чтобы протестировать один код, а теперь не могу в него войти». Джерри спросил, какая учетная запись была у аккаунта.

Я уже знал, что в системе RSTS/E номера учетных записей представляли собой комбинации номера проекта и личного номера программиста, например 1,119. Номера шли по

порядку до 254. У привилегированных аккаунтов номер проекта всегда равнялся 1. Еще я понял, что за командой разработчиков RSTS/E закреплены номера программистов от 200 и выше.

Джерри я сказал, что мой тестовый аккаунт был обозначен «1,119», и скрестил пальцы, чтобы этот номер не был никем занят. Действительно, я попал в свободный номер. Он проверил и сказал, что аккаунта с номером 1,119 не существует. «Вот черт, – вырвалось у меня. – Наверное, кто-то его удалил. Не могли бы вы мне его восстановить?»

Если Чернову нужно, Чернов получал. «Без проблем, – сказал Джерри. – Какой вам сделать пароль?»

Я осмотрелся и заметил в кухонном буфете банку с клубничным конфитюром. «Пусть будет „конфитюр“, – уверенно сказал я.

Не успел я и глазом моргнуть, как услышал: «Хорошо, готово».

Я был в восторге, адреналин просто зашкаливал. Мне не верилось, что это настолько просто. Будет ли все это работать?

С моего компьютера я набрал номер дозвона, который мне дал мой будущий гуру Нил. Установилось соединение, и на экране высветился следующий текст:

```
RSTS V7.0-07 * The Ark * Job 25 KB42 05-Jul-80 11:17 AM
# 1,119
Password:
Dialup password:
```

Что за невезение! Я снова позвонил Джерри Коверту и опять представился Черновым. «Понимаете, я пытаюсь войти в систему с домашнего компьютера, а она требует пароль дозвона».

«Он разве не пришел вам по электронной почте? Пароль „клоун“, – поведал Джерри. Попробовал еще раз и *вошел!*

Первым делом я стал собирать пароли других членов команды разработчиков.

Встретившись с Нилом, я заявил: «Пробраться в „Ковчег“ было плевым делом. У меня на руках пароли всех разработчиков RSTS/E».

Нил уставился на меня, в его глазах читался немой вопрос: «*Парень, ты что курил?*»

Мой гуру набрал номер модема и попал на главную страницу «Ковчега» с полями для ввода логина и пароля. Я потребовал, чтобы Нил уступил мне место, ввел учетные данные – на экране появилось волшебное «Готово».

«Ну что, Нил, доволен?» – спросил я.

Он не мог поверить глазам своим. Как будто я показывал ему билет, который выиграет в лотерею. Выведав, как именно я заполучил доступ, Нил, Дэйв и еще несколько приятелей отправились в компанию PSI, которая располагалась недалеко от Калвер-Сити. В этой организации были новейшие и самые быстрые модемы. Они работали со скоростью 1200 бод¹⁵. В те времена обычный модем разгонялся до 300 бод. Оттуда ребята начали скачивать исходный код RSTS/E.

Старинная мудрость говорит, что вор не знает слова «честно». Вместо того чтобы допустить меня в свой круг и поделиться информацией, они украли код RSTS/E и оставили себе.

Позже я узнал: эти сволочи позвонили в DEC и сообщили, что «Ковчег» взломан. Они сказали, что знают хакера, который это сделал, и назвали мое имя. Сдали с потрохами. Я даже подумать не мог, что ребята решат на меня наступать, а ведь именно благодаря мне они взяли такой сочный куш. Это был первый, но далеко не последний случай, когда меня обманывали люди, которым я доверял.

¹⁵ Единица скорости передачи информации. Подробнее: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бод>

В 17 лет я все еще учился в средней школе, но занимался работой, которую можно было условно назвать «диссертацией по взлому RSTS/E». Я искал цели, просматривал списки вакансий различных компаний, что нуждались в сотрудниках с опытом работы с RSTS/E. Я звонил по адресам, говорил, что из службы технической поддержки DEC. Обычно мне удавалось вывести у системного администратора номера дозвона и пароли к привилегированным аккаунтам.

В декабре 1980 года я познакомился с Микой Гиршманом, у отца которого случайно оказалась учетная запись компании Bloodstock Research. Ее компьютеры работали с операционной системой RSTS/E. Насколько я помню, фирма вела архивные записи о родословных скаковых лошадей, предоставляла эту информацию заводчикам и игрокам, делавшим ставки. Через учетную запись Гиршмана я подключился к Bloodstock Research, воспользовался брешью в системе безопасности и получил доступ к привилегированному аккаунту. Потом мы с Микой по-всякому упражнялись с этой операционной системой, научились работать с ней. В основном все делали ради развлечения.

К сожалению, наши забавы совершенно неожиданно закончились провалом. Как-то раз ночью Мика вошел в систему без меня, Bloodstock Research засекала это проникновение и сообщила ФБР о том, что произошел взлом, инициированный с аккаунта Гиршмана. Агенты нанесли визит отцу. Он заявил, что не имеет ни малейшего понятия об атаке. Когда сыщики надавили на него, он выдал своего сына, а Мика выдал меня.

Я был в спальне на втором этаже нашего кондоминиума. Как раз вышел в сеть и пытался взломать коммутаторы Pacific Telephone через обычный модем с наборным вызовом. Услышав, что в дверь стучат, я открыл окно и крикнул на улицу: «Кто там?» Ответ был прямо как из ночного кошмара: «Робин Браун, ФБР».

Мама спросила: «Кто это?»

Я быстро сказал: «Он представился агентом ФБР».

Мама рассмеялась. Она не знала, кто там, но даже не думала, что это может быть ФБР.

Я же был в панике. Уже отключил телефон от интерфейса модема и заталкивал под кровать компьютерный терминал TI-700. Льюис де Пейн дал его на несколько недель повозиться. Тогда еще не было персональных компьютеров, мы пользовались только терминалом и модемом, через который подключались к компьютерной сети определенной компании или университета. Монитора также не было: отклики на мои команды печатались на длинном свитке термобумаги.

До меня вдруг дошло, что под кроватью лежит *уйма* термобумаги с огромным количеством информации. Эти данные доказывают, что я постоянно вламывался в компьютеры телефонной компании, на ее коммутаторы, а также проникал на компьютеры частных фирм.

Когда я спустился, агент протянул мне руку, я пожал ее. «Я взял с полочным Стэнли Рифкина», – сказал он мне, понимая, что я знаю, о ком идет речь. Этот человек совершил крупнейшую в мире кражу. Он стащил из Security Pacific National Bank 10 миллионов долларов, обманув систему телеграфного перевода денег. Агент полагал, что меня это напугает, но я-то знал, что Рифкин попался только потому, что вернулся в Штаты и всем похвастался о своем подвиге. Не совершив такой ошибки, он так бы и жил где-нибудь за границей в роскошном особняке.

Мой гость был федералом, а в стране *до сих пор* не было никаких федеральных законов, под которые подпадали компьютерные взломы вроде тех, которыми занимался я. Он сказал: «Ты можешь сесть на 25 лет, если не прекратишь баловаться с телефонной компанией». Я знал, что он ничего не может мне сделать, а просто пытается напугать.

Ничего у него не вышло. Как только агент удалился, я снова вошел в сеть. Я даже не сжег распечатки. Это было слишком глупо. Я уже был неисправим.

Визит ФБР меня совершенно не выбил из колеи, но и реакция мамы была совсем не такой, как вы могли подумать. Ей показалось, что все это было глупой шуткой. Какой вред мог причинить мальчишка, который просто играет дома с компьютером? Она совершенно не представляла, что я делаю на самом деле.

Возбуждение и удовлетворение от того, что занимаюсь вещами, которых от меня никто не ожидает, было просто колоссальным. Меня поглотила та страсть, которой меня заразила компьютерная и телефонная техника. Я чувствовал себя первопроходцем, который движется в киберпространстве без всяких ограничений и может влезать в системы ради одного удовольствия и острых ощущений. Я умел перехитрить инженеров с многолетним опытом, знал, как обойти преграды, созданные системами безопасности, и одновременно обучался тому, как все это работает.

Совсем скоро у меня появились проблемы с властями. После описанных событий Мика отправился в Париж. Самолет The Air France уже два часа был в воздухе, когда по системе громкой связи прозвучало: «Мистер Мика Гиршман, нажмите, пожалуйста, кнопку вызова стюардессы». Он так и поступил. Тогда к нему подошла стюардесса и сказала: «Пилот хочет поговорить с вами в кабине». Можете себе представить, как он удивился.

Мику отвели в кабину пилота. Второй штурман взял рацию и сказал кому-то, кто был на связи, что Гиршман здесь, потом вручил ему микрофон. Из радио раздался голос: «Это специальный агент Робин Браун. ФБР стало известно, что вы покинули страну и направляетесь во Францию. Зачем?»

Ситуация сбила Мику с ног. Он ответил, но на этом допрос не прекратился и длился еще несколько минут. Оказалось, федералы думали, что мы с Микой совершили грандиозный взлом в стиле Стэнли Рифкина, например перевели несколько миллионов долларов из США в какой-нибудь европейский банк.

Сцена напоминала эпизод из пиратского фильма. Мне очень нравилось, как от таких моментов щекотало под ложечкой.

Я записался на экзамен GED, и, к счастью, он оказался намного проще того, чего я ожидал. Думаю, его вполне сдал бы и восьмиклассник.

Испытав невероятное возбуждение такого рода, я подсел на это чувство. Теперь мне требовалось постоянно увеличивать дозу. В средней школе мои мысли были настолько заняты хакингом и фрикингом, что меня совершенно не интересовали уроки. К счастью, я нашел выход, который был лучше, чем перспектива стать изгоем или ждать, пока управление лос-анджелесского школьного округа выразит свое недовольство моей успеваемостью и меня исключат.

Если бы я смог сдать экзамен и получить диплом об общеобразовательной подготовке (GED), то получил бы документ, эквивалентный диплому об окончании средней школы, и не тратил бы свое время и время моих преподавателей. Я записался на экзамен GED, и, к счастью, он оказался намного проще того, чего я ожидал. Думаю, его вполне сдал бы и восьмиклассник.

Что могло быть для меня лучше, чем стать студентом колледжа, изучать компьютеры, готовиться к получению ученой степени и в то же время утолять жажду знаний по информатике? Летом 1981 года, когда мне было 17 лет, меня зачислили в колледж Пирса. Обучаться там нужно было два года, а располагался он совсем недалеко, в Вудленд-Хиллз.

Гэри Леви, сотрудник колледжа, который отвечал за кабинет информатики, распознал мою страсть. Он стал моим покровителем и предоставил мне особый статус. Леви выдал мне привилегированный аккаунт для работы в сети, что использовала операционную систему RSTS/E.

Оказалось, что этот подарок я получил ненадолго. Гэри ушел из колледжа. Вскоре после этого Чак Альварес, заведующий кафедрой информатики, узнал, что я работаю в системе с привилегированного аккаунта, и потребовал, чтобы я немедленно прекратил это делать. Я сказал, что Леви предоставил мне доступ, но это не помогло: Чак выгнал меня из класса информатики. Затем вызвал на разговор меня вместе с отцом и заявил: «Ваш сын уже настолько хорошо разбирается в компьютерах, что мы ничему больше не сможем его научить».

Меня исключили.

Я потерял доступ к огромной системе, но в конце 1970-х – начале 1980-х мир персональных компьютеров переживал драматичный переходный период. В результате появились первые настольные машины, к которым подключался монитор, а в некоторые компьютеры он даже был встроен. Commodore PET, Apple II и первый IBM PC сделали компьютер инструментом, доступным каждому, в то же время он стал более удобным для активных пользователей, в том числе хакеров. Я был счастлив как никогда.

Льюис де Пейн был для меня ближайшим товарищем по хакингу и фрикингу с тех самых пор, как он позвонил мне и сказал, что хочет быть моим компаньоном и учиться у меня. Несмотря на то что он был на пять лет старше меня – в таком возрасте это значительная разница, – мы разделяли общее мальчишеское увлечение как хакингом, так и фрикингом. Цели тоже у нас были одинаковые: получать доступ к корпоративным компьютерам, паролям, а также к информации, которая нам не полагалась. Я никогда не портил файлы на чужой машине и не зарабатывал деньги на информации, которую получал. Насколько мне известно, Льюис этого также не делал.

Мы доверяли друг другу даже притом, что система ценностей Льюиса, мягко говоря, отличалась от моей. Ярким примером этой разницы был взлом компьютера компании U. S. Leasing.

Я проник в систему U. S. Leasing с помощью тактики, которая была так смехотворно проста, что я не мог не применить ее. Я действовал следующим образом.

Позвонил в компанию, которую выбрал своей целью, попросил соединить меня с ее компьютерным залом, убедился, что говорю с системным администратором, и сказал: «Это [вымышленное имя, которое пришло мне на ум в тот момент] из службы поддержки DEC. Мы обнаружили серьезнейшую ошибку в вашей версии RSTS/E. Вы можете потерять данные». Это очень мощный социально-инженерный прием, так как страх потерять данные огромен, а перед его лицом люди без колебаний готовы с вами сотрудничать.

Достаточно сильно напугав администратора, я сказал: «Мы можем поправить вашу систему, не нарушая никаких серьезных рабочих процессов». На этом этапе парень, иногда и девушка, с радостью и нетерпением давал мне номер дозвона и доступ к учетной записи системного администратора. Если же я сталкивался с каким-либо сопротивлением, то сразу же говорил: «Хорошо, мы свяжемся с вами по электронной почте». Затем я переходил к следующей цели.

Системный администратор U. S. Leasing дал мне пароль для доступа к своему аккаунту без всяких сомнений. Я вошел, создал для себя новый аккаунт и добавил в операционную систему специальную лазейку¹⁶ – программный код, который позволяет мне тайно войти в систему в любое время, когда я захочу.

Во время следующего разговора с Льюисом я подробно рассказал ему об этой лазейке. В то время Льюис встречался с барышней, а она мечтала вступить в ряды хакеров и иногда выступала под псевдонимом Сьюзен Гром. Позже на допросе девушка признавалась, что

¹⁶ В оригинале – backdoor. Термин «бэкдор» (дословно – «черный ход») употребляется в современной компьютерной терминологии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бэкдор>

в те годы даже иногда занималась проституцией, но только для того, чтобы заработать на компьютерное оборудование. У меня до сих пор глаза на лоб лезут, когда я вспоминаю ту историю. Как бы то ни было, Льюис рассказал Сьюзен, что я взломал U. S. Leasing, и дал ей данные для входа в систему. Возможно, как утверждал Льюис позже, сам-то он ей ничего не рассказывал, но Сьюзен увидела информацию в блокноте, который он забыл рядом с ее компьютером.

Вскоре после этого влюбленные поссорились и перестали общаться. Полагаю, расстались они не полюбовно. Сьюзен отомстила именно *мне*. В то время я не понимал, почему она на меня взъелась, разве что вообразила, будто Льюис с ней расстался, чтобы больше времени проводить со мной и заниматься хакингом. В общем, она решила, что я виноват в их разрыве.

Как бы то ни было, выяснилось, что Сьюзен воспользовалась украденными данными и проникла в компьютерную систему U. S. Teasing. Потом, как мне рассказывали, она испортила там множество файлов и еще послала на все принтеры распечатку с интересным содержанием. Принтеры строчили и строчили ее послание, пока не закончилась бумага:

ЗДЕСЬ БЫЛ МИТНИК
ЗДЕСЬ БЫЛ МИТНИК
ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ
ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ

Меня по-настоящему разозлил в данной истории тот факт, что в заключенном соглашении о признании вины меня пытались обвинить в деянии, которого я не совершал. Я был поставлен перед выбором: либо признаться в этом оскорбительном и нелепом поступке, либо отправиться в колонию для несовершеннолетних.

Некоторое время Сьюзен пыталась устроить вендетту, регулярно портила мне телефонную линию и отправляла в телефонную компанию требования отключить меня от сети. Однако волею случая мне удалось нанести маленький, но ощутимый ответный удар. Как-то раз в самый разгар проникновения в систему телефонной компании мне понадобилась линия, где шли и шли бы гудки, но на звонок никто не отвечал. Я набрал номер таксофона, который совершенно случайно знал наизусть. Бывают же такие маленькие случайности, что время от времени с каждым из нас происходят в этом правильном мире. Сьюзен Гром, жившая неподалеку, как раз шла мимо этой самой телефонной будки. Она подняла трубку и сказала: «Алло». Я узнал ее голос.

Сказал ей: «Сьюзен, это Кевин. Просто предупреждаю тебя, что слежу за каждым твоим шагом. Не шути со мной!»

Надеюсь, это до смерти напугало ее хотя бы на несколько недель.

Итак, жизнь моя была интересной, но мне не посчастливилось вечно обходить закон.

Я ходил в компьютерную лабораторию Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, чтобы взламывать удаленные компьютеры, поскольку мы не могли позволить себе иметь такую технику дома.

В мае 1981 года, когда мне все еще не было 18, я перенес внеклассные занятия в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса (UCLA). В компьютерной лаборатории этого университета студенты должны были выполнять домашние задания или изучать компьютеры и программирование. Я ходил туда, чтобы взламывать удаленные компьютеры, поскольку мы не могли позволить себе иметь такую технику дома. Поэтому мне приходилось использовать для доступа в сети места вроде университетов.

Разумеется, машины из студенческой лаборатории не предусматривали внешнего доступа: с любого такого компьютера можно было дозвониться только на один из телефон-

ных номеров кампуса, но не на внешний номер. Поэтому они были бесполезны для того, что я собирался делать.

Не проблема. На стене компьютерного зала висел единственный телефон без номеронабирателя, то есть он мог только принимать входящие вызовы. Точно как и в лаборатории мистера Криста в школе Монро, я мог взять рацию и постучать по рычажному переключателю – эффект был такой же, как и от набора номера. Например, девять быстрых сигналов соответствовали набору номера «9». Таким образом я мог выйти на междугороднюю линию. Затем я посылал десять сигналов, и это означало цифру «0» и соответствовало сигналу для оператора.

Когда телефонистка брала трубку, я просил ее перезвонить мне на номер модема того компьютерного терминала, с которым я работал. В то время на компьютерных терминалах в лаборатории не было внутренних модемов. В таком случае, чтобы установить модемное соединение, требовалось вставить телефонную трубку в расположенный рядом акустический соединитель, что посылал сигнал с модема в трубку, далее – на телефонную линию. Когда оператор перезванивал на телефон модема, я отвечал и просил набрать для меня номер.

Таким образом я дозванивался до многочисленных корпоративных компьютеров DEC PDP-11, где использовалась операционная система RSTS/E. Методами социальной инженерии я, притворяясь сотрудником службы поддержки DEC, узнавал номера для дозвона и данные для входа в систему. Поскольку у меня не было собственного компьютера, я, как кочевник, переходил из одного колледжа в другой, чтобы получить еще одну дозу компьютерного доступа, который мне так отчаянно требовался. Я чувствовал ту волну адреналина, которая несла меня в кампус, туда, где я мог оказаться в онлайн. Я готов был ехать с сумасшедшей скоростью, если бы смог выиграть лишних 15 минут компьютерного времени.

Думаю, ни разу так не случилось, чтобы кто-то из студентов в одной из этих компьютерных лабораторий случайно услышал, чем я занимаюсь, и донес бы на меня.

Мне везло до тех пор, пока не наступил тот самый вечер. Я работал с компьютерным терминалом в UCLA. Тогда я услышал крики, оглянулся и увидел, что в зал врывается отряд полицейских из охраны кампуса. Эти копы неслись прямо ко мне. Я очень постарался прикинуться обеспокоенным, но уверенным молокососом, который не понимает, из-за чего весь сыр-бор.

Они вытащили меня из кресла и надели наручники. Помню, эти браслеты сильно жали.

Да, в Калифорнии все-таки приняли закон, в соответствии с которым хакинг подпадал под уголовную ответственность. Однако я все еще был несовершеннолетним, поэтому в тюрьму меня не посадили.

Несмотря на это, я был в панике и перепугался до смерти. У меня в машине осталась спортивная сумка, набитая распечатками, где упоминались все те компании, в компьютеры которых я проникал. Если бы они обыскали мою машину и нашли там этот клад, а к тому же еще и поняли, что это такое, то мне грозило бы гораздо более серьезное наказание, чем они могли вменить нестуденту за использование компьютеров университета.

Один из полицейских кампуса нашел мою машину, ключи у меня изъяли еще до того. Там он обнаружил сумку с хакерской контрабандой.

Оттуда меня доставили в полицейский участок, который охранял студенческий городок. Это очень напоминало арест. Мне сообщили, что я задержан за несанкционированное проникновение. Они позвонили маме, попросили прийти и забрать меня.

В конце концов в UCLA не нашлось никого, кто мог бы понять мои распечатки. Университет так и не подал никаких жалоб. Все обошлось лишь передачей моего дела в отдел пробации графства, который мог бы обратиться в суд по делам несовершеннолетних с требованием рассмотреть это дело. Однако этого также не случилось.

Возможно, я был неуязвимым. Возможно, я мог и дальше делать то, чем занимался до сих пор, иногда получая взбучку, но так и не сталкиваясь с настоящими проблемами. Однако тогда я действительно перепугался не на шутку и чудом избежал уголовного наказания.

Глава 4

Мастер выпутываться

*File ujw esc wexp mo xsp kjr hsm hiwwcm, «Wplpll stq lec qma e wnerg mzzk!»?*¹⁷

В выходные перед Днем памяти¹⁸ 1981 года мы с Льюисом де Пейном присоединились к группе телефонных фрикеров, что собирались на так называемую вечеринку. Так называемую потому, что только шестилетний карапуз, который собирается отметить день рождения, или кучка компьютерных фанатов могут решить собраться и весело провести время в маленькой пиццерии Shakey's.

Пришло человек 20–25, почти все были такими же безнадежными ботаниками, какими были самые увлеченные энтузиасты любительской радиосвязи. Некоторые ребята хорошо разбирались в технике, это позволяло мне надеяться, что я не зря трачу здесь время.

Неудивительно, что разговор пошел об одной из наиболее интересовавших меня целей – системе COSMOS. Эта аббревиатура расшифровывалась как Computer System for Mainframe Operations¹⁹. Система COSMOS играла важную роль в работе компании Pacific Telephone. Любой фрикер, который смог бы в нее проникнуть, приложил бы чудовищную силу.

У нас с Льюисом уже был доступ к COSMOS: компьютер с этой системой мы взломали в Pacific Telephone одним из первых. Кроме нас на тот момент таким доступом обладали в лучшем случае еще несколько человек. Я не собирался рассказывать остальным, как попасть в данную систему. Когда начался этот разговор, я понял, что здание, где располагалась COSMOS, находилось недалеко от нас, всего в нескольких милях. Я предположил, что если несколько человек из нашей компании отправятся туда и немного полазят по мусорным ящикам, то мы можем найти какую-нибудь полезную информацию.

Льюис всегда был готов заняться чем-то подобным. Мы позвали с собой Марка Росса, парня, который довольно хорошо разбирался в телефонных системах и которому мы могли доверять.

По дороге мы заглянули в круглосуточную аптеку и купили там перчатки, фонарики, а потом отправились к зданию COSMOS. Экскурсия по мусорным ящикам позволила отыскать несколько интересных штук, но ничего из этого не было по-настоящему ценным. Примерно через час, немного расстроившись, я предложил: «А не попробовать ли нам проникнуть внутрь?»

Мои спутники захотели, чтобы я вошел, попытался обмануть охранника социально-инженерными приемами, а потом послал тоновый сигнал с портативной самодельной рации. Я не согласился: или мы идем вместе, как три мушкетера, или бросаем эту затею.

Мы вошли. Охранник оказался молодым парнем, он выглядел так, как будто частенько покурил марихуану. Я обратился к нему: «Привет, как дела? Мы припозднились. Я здесь работаю и хочу показать это место друзьям».

«Хорошо, – сказал охранник, – только отметьтесь, что пришли». Даже идентификатор показать не попросил. Все как по маслу.

¹⁷ Как звали того парня, который кричал: «Обыскать машину! У него там логическая бомба!»?

¹⁸ Американский праздник, посвященный поминовению всех американских военнослужащих, погибших в вооруженных конфликтах. Отмечается в первый понедельник мая ([http://ru.wikipedia.org/wiki/День_памяти_\(США\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/День_памяти_(США)))).

¹⁹ Компьютерная система для работы с базовой ЭВМ (http://www.opennet.ru/docs/RUS/inet_book/inet_book-net.html.gz).

Мы звонили в разные отделы, занимались анализом рабочего процесса телефонной компании уже так давно, что знали, в каком именно помещении работают инженеры, обслуживающие COSMOS. Комната 108 регулярно упоминалась в переговорах Pacific Telephone. Мы нашли, как туда пройти.

COSMOS. Золотая жила. Наш джекпот.

На стене висела папка, где перечислялись номера дозвона во все коммутационные центры Южной Калифорнии. Папка в точности напоминала те глянцевые брошюры, которые лежат на стеллаже в кабинете врача, а над ними висит наклейка «Возьми!» Я не мог поверить в такое везение. Это было настоящее сокровище, одна из тех вещей, которых я жаждал больше всего.

В любом центральном офисе был один или несколько коммутационных центров. Телефонная станция в каждом таком офисе относилась к определенному коммутатору. Располагая списком номеров дозвона для каждого коммутатора и данными для входа в систему, я мог контролировать во всей части Южной Калифорнии любую телефонную линию, которая обслуживалась компанией Pacific Telephone.

Это была потрясающая находка. Однако мне нужны были пароли и к другим административным аккаунтам. Я ходил по офисам, которые примыкали к комнате с COSMOS, открывал папки, заглядывал в ящики стола. В одной из папок я нашел лист с названием «Пароли».

Вуаля!

Фантастика. Моя улыбка растянулась до ушей.

Теперь нужно было уходить.

Я заметил стопку мануалов COSMOS. Они, видимо, были наполнены информацией, которая точно не помешает. Не поддаться соблазну у меня не получилось. Эти мануалы могли поведать нам обо всем, что мы хотели бы узнать: от того, как делать запросы с применением зашифрованных команд, используемых персоналом компании, до любых тонкостей работы всей системы. Сегодня подобную информацию можно найти в Google, но в те времена ее не было нигде, кроме мануалов.

Я сказал ребятам: «Давайте отнесем мануалы в копировальный салон, сделаем по экземпляру на брата, а потом вернем на место, пока люди не начали приходить на работу, ведь скоро утро».

Охранник даже не обратил внимания на то, что мы приходили с пустыми руками, а уходим с объемными мануалами. Кроме того, еще несколько мануалов Льюис положил в брифкейс, позаимствованный в одном из офисов.

Это было одно из самых глупых решений в моей юности.

Мой безотказный механизм высасывания убедительных историй из пальца не давал никакого вменяемого объяснения нашему возможному повторному приходу.

Мы поехали по округе в поисках копировального центра, но не могли найти ни одного. Разумеется, обычные точки закрыты в два часа ночи. Тогда мы решили, что, так или иначе, слишком рискованно второй раз проникать в здание и класть мануалы на место, даже после того как на дежурство заступит новый охранник. Мой безотказный механизм высасывания убедительных историй из пальца не давал никакого вменяемого объяснения нашему возможному повторному приходу.

Итак, я взял мануалы домой. Однако меня не оставляло плохое предчувствие по этому поводу. Мануалы поместились в нескольких мусорных пакетах. Льюис взялся хранить это сокровище и где-то спрятал мешки. Я даже не пытался узнать, где.

Несмотря на то что Льюис уже не был влюблен в Сьюзен Гром, он продолжал с ней общаться и все также не умел держать язык за зубами. Он не смог умолчать и о тех вещах, которые были чреваты огромными неприятностями для него и его друзей. Короче, он рассказал ей о мануалах.

Сьюзен сдала нас телефонной компании. Через несколько дней, жарким летним вечером, я закончил работу и, выехав с парковки, отправился домой. Я работал в компании Steven S. Wise Temple, сидел на телефоне и отвечал на звонки. Так вот, я заметил, что по встречной полосе мимо меня проехал автомобиль Ford Crown Victoria, где сидели трое мужчин. Почему сотрудники правоохранительных органов всегда ездят на машинах одной и той же модели? Разве никому из них ни разу не приходила в голову мысль, что это их разоблачает не меньше, чем надпись на борту машины: «МЫ ПЕРЕОДЕТЫЕ КОПЫ».

Я прибавил газу, чтобы посмотреть, на самом ли деле они развернутся и последуют за мной.

Точно. Черт возьми. Может, это просто совпадение?

Я еще добавил скорости и вырулил на съезд, который выводил на шоссе I-405 и далее в долину Сан-Фернандо.

Crown Victoria меня догоняла.

Вдруг я вижу в зеркало заднего вида, что из салона Ford высовывается рука и ставит на крышу автомобиля мигалку, которая сразу же начинает работать. Ох, черт! Почему они прижимают меня к обочине? В голове молнией проносится мысль выжать газ до предела и все же ускользнуть. Что потом? Погоня на большой скорости? Это безумие.

Ни в коем случае не спасаться бегством. Я съезжаю с дороги и торможу.

Машина преследователей останавливается позади. Из нее выскакивают крепкие парни и бегут ко мне.

Они вытаскивают пистолеты!

Кричат: «*Вылезай из машины!*»

Мгновение – и я в наручниках. Опять они застегнули их очень туго, мне больно.

Один из мужиков орет мне в ухо: «*Ты, прекрати эту хрень с телефонной компанией! Сейчас я тебе популярно объясню!*» Я так напуган, что на глаза сами собой наворачиваются слезы.

Рядом с нами тормозит еще одна машина. Из нее также выскакивает водитель и бежит к нам. Он кричит копам: «*Обыскать машину! У него там логическая бомба!!!*»

Теперь я уже смеюсь сквозь слезы. Логическая бомба²⁰ – это специальная программа, но эти парни, похоже, не в курсе, о чем речь. Они думают, что в моей машине взрывчатка, из-за которой все может взлететь на воздух.

Они тем временем начинают меня допрашивать: «Где мануалы?»

Я отвечаю: «Я несовершеннолетний. Мне нужно позвонить адвокату».

Копы, однако, обошлись со мной как с террористом, доставили в полицейский участок в Пасадене, в 45 минутах езды от того места задержания, и посадили в камеру предварительного заключения. Никаких решеток. Это была просто маленькая комнатка, которая напоминала бетонный гроб, с массивной стальной дверью, через которую не проникали никакие звуки. Я попытался добиться положенного мне телефонного звонка, но полицейские отказали. Очевидно, несовершеннолетние лишены каких-либо конституционных прав.

В тот же день в наручниках меня отправили в арестный дом для несовершеннолетних правонарушителей, который находился в восточном Лос-Анджелесе.

²⁰ Подробнее: http://ru.wikipedia.org/wiki/Логическая_бомба

Наконец появился инспектор, наблюдающий за условно осужденными, и собрался меня допрашивать. Он мог просто отпустить меня к родителям, но полицейские убедили его, что я настоящий Ганнибал Лектер в мире компьютерного взлома. В тот же день в наручниках меня отправили в арестный дом для несовершеннолетних правонарушителей, который находился в восточном Лос-Анджелесе. На следующий день я предстал перед судом. На заседание приехали мама и отец. Они пытались добиться, чтобы меня отпустили.

В газете *Pasadena Star-News* вышла большая статья обо мне. За ней последовала еще более подробная история, изложенная в *Los Angeles Times*. Разумеется, поскольку я был несовершеннолетним, журналистам запрещалось публиковать мое имя.

Несмотря на запрет, они все же опубликовали, и это аукнулось мне позднее.

В качестве отступления, касающегося этой истории, следует отметить один момент. Позже я узнал, что человека, который кричал о логической бомбе, звали Стив Кули. Это был заместитель окружного прокурора, специально приставленный к ведению моего дела. В настоящее время он более авторитетный босс, окружной прокурор графства Лос-Анджелес. Моя тетя Чики Левенталь, которая давно ведет собственный бизнес, связанный с поручительскими гарантиями, знакома с Кули. Несколько лет назад, когда вышла моя книга *«Искусство обмана»*, она предложила ее сборщику пожертвований для благотворительного детского фонда в качестве одной из премий. Среди членов правления этого фонда был и Кули. Когда она рассказала ему, что я ее племянник, он попросил у тети экземпляр этой книги. Сборщик также спросил, могу ли я поставить в ней автограф и написать: «Мы оба прошли очень долгий путь». Действительно, наш путь был долгим. Мне было очень приятно оказать ему такую любезность.

Судья, который слушал мое дело в суде для несовершеннолетних, был озадачен. Меня обвиняли в том, что я хакер, но я не крал и не использовал никаких номеров кредитных карточек, не продавал никакого запатентованного программного обеспечения и не выдавал коммерческих тайн. Я просто взламывал компьютеры и другие системы телефонных компаний только ради забавы. Видимо, судья не понимал, зачем я все это делал, не извлекая никакой прибыли. Мысль о том, что все это просто доставляло мне удовольствие, казалась ему бессмысленной.

Поскольку судья не понимал в деталях, что именно я делал, проникая в компьютеры и телефонные системы, он счел, что что-то упускает. Может быть, я крал деньги и вообще получал прибыль каким-нибудь высокотехнологичным способом, которого он не понимал. Пожалуй, абсолютно все в этой ситуации казалось ему подозрительным.

Истина заключалась в том, что я проникал в телефонные системы по тем же причинам, по которым другие дети могли залезать в заколоченный заброшенный дом, — просто посмотреть. Соблазн исследовать и узнать, что там лежит, был слишком велик. Разумеется, там могло быть опасно, но риск был частью развлечения.

Поскольку это было первое в истории дело о хакинге, чувствовалось явное недопонимание того, в чем именно должен меня обвинять окружной прокурор.

Однако некоторые обвинения были вполне обоснованными, например, те, что связаны с проникновением на территорию телефонной компании. Другие обосновать было нечем. Обвинитель заявил, что в результате моих хакерских атак повреждены компьютерные системы компании U. S. Leasing. Я этого не делал, но обвинение в подобном деянии предъявлялось мне еще не раз.

Поскольку это было первое в истории дело о хакинге, чувствовалось явное недопонимание того, в чем именно должен меня обвинять окружной прокурор.

Однако некоторые обвинения были вполне обоснованными. Судья из суда по делам несовершеннолетних отправил меня в калифорнийскую инстанцию по делам молодежи (СЮА) – исправительное учреждение, расположенное в городе Норволк. Там я должен был пройти 90-дневную психологическую проверку, которая бы определила, заслуживаю ли я тюремного заключения в одном из комплексов этой организации. Передо мной еще никогда не вырисовывались такие мрачные перспективы. Другие подростки попадали в это место за другие преступления, например, разбойные нападения, изнасилования, убийства и хулиганство. Конечно, все они были несовершеннолетними, но это делало их более жестокими и опасными, так как они чувствовали себя безнаказанными.

У каждого из нас была своя камера, где нас запирали. Наружу выводили маленькими группами, всего по три раза в день.

Я ежедневно писал домой, начиная каждое послание словами «Кевин Митник в заложниках. День 1, день 2, день 3». Я писал даже несмотря на то, что город Норволк находится на территории графства Лос-Анджелес и от моей тюрьмы до района, где жили мама и бабушка, на машине можно добраться за полтора часа. Они с пониманием относились к моему заключению, приезжали ко мне в каждые выходные, привозили чего-нибудь вкусного. Мама и бабушка всегда заранее выезжали из дома, чтобы быть первыми в очереди на свидание.

Мой 18-й день рождения прошел в Норволке. Хотя я должен был еще некоторое время оставаться под надзором калифорнийской инстанции по делам молодежи, я стал совершеннолетним. Я осознавал, что любые дальнейшие преступления будут расцениваться как совершенные взрослым человеком. Если меня признают виновным, я вполне могу попасть в тюрьму.

Когда мой 90-дневный срок истек, калифорнийская инстанция по делам молодежи рекомендовала отправить меня домой с испытательным сроком. Судья учел эту рекомендацию.

Приставленную ко мне инспектора по надзору за условно осужденными звали Мэри Риджуэй. Мне казалось, что эта исключительно полная леди в жизни любила только питаться и бранить тех подростков, за которыми она следила. Однажды ее телефон перестал работать. Через несколько месяцев я узнал, что после того, как телефонная компания исправила эту поломку, госпоже Риджуэй сказали, что не знают причину неполадки. Она решила, что это моих рук дело, и сделала соответствующую запись в моем личном деле, которая была воспринята как доказанный факт и использована против меня. В те времена слишком часто неожиданные технические сбои, которые происходили где бы то ни было, могли быть приписаны именно мне.

Одновременно с условным сроком я проходил психотерапию. Мне пришлось ходить в клинику, где лечили преступников, нарушивших закон на сексуальной почве, и прочих отпетых наркоманов. Моим социальным педагогом был врач-интерн из Великобритании, звали его Рой Эскапа. Когда я объяснил ему, что отбываю условный срок за телефонный фрикинг, он вдруг засиял. «А вы слышали об ИТТ (так называлась организация по международной телеграфной и телефонной связи)?» – спросил Рой.

«Конечно», – ответил я.

«А вы знаете, где взять коды?»

Он имел в виду коды доступа к каналам международной телеграфной и телефонной связи. Зная такой код, можно было просто набрать местный номер ИТТ и, добавив код доступа, позвонить на нужный междугородний или международный номер. Если вы пользовались чьим-нибудь чужим кодом доступа, оплата за ваш звонок зачислялась на счет того несчастного абонента, а вы не тратили ни цента.

Я улыбнулся. Мы с Роем отлично ладили.

Во время моих индивидуальных консультаций, которые по распоряжению суда назначили проходить в течение 1981 и 1982 годов, мы с Роем обычно просто болтали. Позже подружились. Рой сказал, что те вещи, которые я делал, были просто ангельскими по сравнению с преступлениями других его пациентов. Через несколько лет, в 1988 году, когда я снова попал в беду, он написал письмо судье, где объяснил, что я занимаюсь хакингом не из зловредных криминальных побуждений, а по причине компульсивного расстройства. По его словам, у меня была зависимость от хакинга.

Насколько могли судить и я, и мой прокурор, хакинг впервые охарактеризовали таким образом и он оказался в одном ряду с наркотиками, алкоголем, азартными играми и сексуальной зависимостью. Когда судья узнал а диагноз, согласно которому у меня была зависимость, и поняла, что я болен, она оформила наше соглашение о признании вины.

22 декабря 1982 года, за три дня до Рождества, около полуночи я сидел в компьютерном классе в Сальватори-Холл в кампусе Университета Южной Калифорнии (USC), который находился недалеко от центра Лос-Анджелеса. Компанию мне составил мой товарищ-хакер Ленни Ди-Чикко, высокорослый атлетически сложенный парень ростом примерно метр восемьдесят. Он стал моим близким и верным соратником, а позже предал меня.

Мы вламывались в системы Университета Южной Калифорнии через модемы с коммутируемым доступом, но нас страшно раздражала медленная скорость соединения. Небольшое исследование открыло нам интересный факт: в здании Сальватори-Холл стоял кластер майнфреймов DEC TOP-20, подключенных к Agranet – сети, что была прародительницей Интернета. Пока мы находились в кампусе, могли позволить себе более быстрый доступ к другим системам.

Воспользовавшись недавно открытой уязвимостью (недостатком системы), которую Ленни удалось обманом добыть у Дэйва Компела на конференции DECUS (Общество пользователей цифровой вычислительной техники фирмы DEC) – мы посещали ее неделей ранее, – мы уже заполучили полные системные привилегии (их также называют корневыми) на всех студенческих компьютерах DEC 20. Однако мы хотели собрать как можно больше паролей.

Ничего сложного. Я принялся просматривать почтовые аккаунты сотрудников университета, которые имели корневые привилегии. Немного порывшись внутри системы, я нашел почту отдела учета, что отвечал за распределение имен пользователей и паролей. Когда я просмотрел почту этого аккаунта, она оказалась просто набита сообщениями, в которых имена и пароли указывались в *незашифрованном виде*. Джекпот!

Зная, что рискую, я отправил всю эту почту на принтер. Примерно через 15 минут после того, как я дал команду «печать», оператор сбросил толстую пачку испещренной символами бумаги в студенческий лоток для документов. Если вы в зале, полном студентов, которые работают за компьютерными терминалами, то как проверить, не следят ли за вами, причем не возбудить ни малейших подозрений? Я приложил все усилия, чтобы не привлекать внимания, собрал распечатки и отнес их к столу, где работали мы с Ленни.

В мгновение ока в комнату ворвались двое полицейских из охраны кампуса и рванули прямо к Ленни и ко мне с криками «*Ни с места!*»

Судя по всему, я уже стал известным преступником. Копы знали, кого из нас на самом деле нужно ловить, и еще знали *мое* имя.

Судя по всему, я уже стал известным преступником. Копы знали, кого из нас на самом деле нужно ловить, и еще знали *мое* имя. Позже мне стало понятно, что один из администраторов, Джон Соломон, был на том же собрании DECUS, которое мы с Ленни посещали несколько дней назад. Джон заметил меня в компьютерной лаборатории и узнал. Он позволил Дэйву Компелу, тому самому члену шайки, который впервые подбил меня взломать в

DEC отдел разработки операционной системы RSTS/E, когда я еще учился в средней школе Монро. Компел посоветовал Соломону вызвать полицию кампуса и попросить меня арестовать.

Полицейские забрали стопку распечаток со всеми этими паролями. Поскольку я уже отбывал условный срок, то меня ждали серьезные неприятности. Копы доставили меня и Ленни в опорный пункт, находившийся в кампусе, приковали наручниками к скамейке, а потом разошлись по кабинетам, оставив нас сидеть в одиночестве у самого выхода. Немного повертевшись, Ленни продемонстрировал мне свои руки без браслетов. Он предусмотрительно носил в кошельке ключ от наручников, и на этот раз ему удалось вытащить его и освободиться.

Он отомкнул и мои наручники, а потом сказал: «Нам есть что терять, сматываемся». Однако как я отсюда выберусь? Полицейские забрали у меня ключи от машины, и к тому же они знали, кто я такой.

Вдруг один из копов вернулся. За спиной я осторожно защелкнул наручники, но коп услышал и подошел посмотреть поближе, что творится. «Так, у нас тут Гудини²¹», – крикнул он в сторону кабинетов, а тем временем Ленни ухитрился незаметно бросить ключ на пол и отпихнуть его на несколько футов. Ключ заскочил в укромное место за автомобильной шиной, которая неизвестно почему стояла здесь, прислоненная к стене.

Разозленные копы потребовали: «Гони ключ!» Они выволокли нас в санузел, устроили досмотр с полным раздеванием и страшно удивились, когда ничего не нашли.

Прибыли полицейские из лос-анджелесского департамента полиции по борьбе с мошенничеством и подделкой документов и увели меня. Меня определили в камеру предварительного заключения в Паркер-Центре, где находилась штаб-квартира лос-анджелесского департамента полиции. На этот раз в камере, куда меня бросили, оказалась пара таксофонов. Первым делом я позвонил маме и рассказал ей, что стряслось, а потом – тете Чики. Я умолял ее, чтобы она как можно скорее пришла и забрала меня под залог. Это было очень срочно, так как мне нужно было забрать машину до того, как в ней пороются копы, поскольку там они нашли бы более серьезные улики против меня – записи и диски. Через несколько часов, примерно в 5:00, меня вызволил тетин коллега.

Мама, на которую всегда можно было рассчитывать, несмотря на то, как много дел на ней вечно висело, также приехала в участок и отвезла меня в кампус, где осталась машина.

Мама, на которую всегда можно было рассчитывать, несмотря на то, как много дел на ней вечно висело, также приехала в участок и отвезла меня в кампус, где осталась машина. У мамы просто гора с плеч свалилась, когда она убедилась, что со мной все хорошо и я на свободе. Несмотря на то что по дороге я вполне мог получить заслуженную порцию ругани или нотаций, такие меры были не в стиле моей мамы. Она просто очень волновалась за меня и беспокоилась о том, кто из меня вырастет.

Итак, я вышел на свободу после того, как внесли залог, но эта свобода продлилась недолго. Когда я тем вечером собирался на работу, я позвонил маме в ресторанчик Fromin's – в то время мы работали в этом заведении вместе – и спросил, не приходил ли кто-нибудь и не искал ли меня. «Не то чтобы...» – ответила она. Проигнорировав ее завуалированный ответ, я все же пошел на работу. Там меня уже ждала Мэри Риджуэй, моя надзирательница, которая присматривала за мной, пока я был несовершеннолетним. Вместе с ней – двое детективов. Когда она заметила меня, то сразу же объявила, что я арестован за нарушение режима про-

²¹ Гарри Гудини (настоящее имя Эрик Вайс) – американский иллюзионист, который прославился сложными трюками с побегами и освобождениями от оков (http://ru.wikipedia.org/wiki/Гарри_Гудини).

бации, а детективы отвели меня в дисциплинарный исправительный центр для несовершеннолетних, расположенный в Силмаре.

На самом деле, когда я понял, что попаду в Силмар, у меня отлегло на душе. Мне уже было 18, то есть с юридической точки зрения я был совершеннолетним, но, так как еще не закончился срок probation, определенный судом по делам несовершеннолетних, я оставался в юрисдикции этого суда. Со мной обращались также, как с несовершеннолетним.

Для мамы разницы не было. Я снова находился за решеткой. Мои задержания превращались из случайных в закономерные. Кем же вырос сынок, думала мама. Не станет ли моя жизнь чередой тюремных ходок? Она навестила меня и разрыдалась. Мама так много сделала для меня, и вот чем я ей отплатил: унижением и проблемами. У меня сердце разрывалось при виде ее слез. Сколько раз я ей обещал, что прекращу заниматься хакингом... Я действительно собирался завязать, но держал свое слово не лучше, чем какой-нибудь алкаш, снова и снова уходивший в запой.

Оказалось, что тот взлом, из-за которого я вновь попал за решетку, имел более серьезные последствия, чем я мог себе тогда представить. Один из аккаунтов, в который я зашел из компьютерного класса в кампусе, выглядел как университетский, но на самом деле принадлежал сотруднику Пентагона. Когда полиция обнаружила это, всю историю разгласили журналистам, и в газетах одна за другой стали появляться раздутые статьи, авторы которых искажали факты как хотели. Кто-то даже писал, что я проник в систему Министерства обороны. Чистейшая ложь, но об этом продолжают говорить и сегодня.

Я признал обвинение в нарушении закона в ходе срока probation. Меня приговорили к лишению свободы в колонии для несовершеннолетних сроком на три года и восемь месяцев. Это был максимальный срок по моей статье.

Несмотря на это, я был безнадежен: сидел взаперти, но все равно размышлял над тем, как одолеть систему.

Глава 5

Все ваши телефонные линии теперь мои

*Btñfy ytbs ini N mnij tzy ns zsynq ymj Ozajsnqj Htzwy qtxy ozwnxinhyns
tajw rj?*²²

После вынесения приговора меня вновь доставили в исправительное учреждение Норволка для классификации. Там я любил укрываться от посторонних в библиотеке, где обнаружил очень неплохую подборку книг по юриспруденции. Эта тема стала моим новым увлечением.

Некоторые ребята, находившиеся здесь под стражей, желали подать апелляционную жалобу или уточнить, какими правами они обладают. Тогда я стал выручать их, находя им нужную информацию. Как минимум я мог творить небольшие добрые дела для товарищей по несчастью, и мне это нравилось.

Оказалось, в библиотечном фонде имелись руководства о порядке действий, регламентировавшие работу калифорнийской инстанции по делам молодежи. *«Как удобно, – думал я, – они позволяют мне разузнать, как именно они должны работать, а я могу найти в этой системе лазейки и просчеты»*. Я с головой углубился в изучение этих материалов.

Ко мне прикрепили социального педагога, который несколько раз со мной поговорил, а потом настроил рекомендацию, в соответствии с которой меня следовало отправить в Престон. Эта тюрьма для несовершеннолетних была как бы молодежным вариантом Сан-Квентина²³. Ее переполняли самые опасные и жестокие подростки калифорнийской пени-тенциарной системы для несовершеннолетних. Почему же? Я ведь был одним из немногих преступников умственного труда, с которыми когда-либо приходилось работать управлению по делам несовершеннолетних.

Социальный педагог даже сказал мне, что он направляет меня в это место, так как оно расположено довольно далеко, в семи-восьми часах езды на машине, а значит, мама и бабушка смогут навещать меня лишь изредка. Может быть, ему казалось, что я, мальчик из среднего класса, имел весь букет возможностей, которых не было у тех суровых парней из современных гетто. Я вместо того, чтобы окончить колледж и начать постепенную карьеру на хорошей высокооплачиваемой работе, словно искал неприятностей на свою голову. Поэтому он отправляет меня в опасное, жестокое место, которое достаточно сильно меня напугает, и после возвращения я стану жить правильно. Возможно, он был просто сукиным сыном, и ему нравилось злоупотреблять своей должностью.

Что было мне точно известно? В руководствах о порядке действий СЮА я нашел список факторов, которые могли учитываться при определении учреждения, куда следует направить того или иного малолетнего преступника. Осужденный должен был отбывать наказание вблизи от места проживания его семьи. Если он имел среднее образование или диплом о сдаче экзамена по общеобразовательной подготовке (GED), то его следовало определить в учреждение, где предлагалось обучение по программе колледжа. Конечно же, в Престоне ничего подобного не было. При выборе места заключения следовало учитывать склонность преступника к насилию и степень вероятности того, что он попытается совершить побег. Я ни разу в жизни не участвовал в кулачной драке и никогда не пытался сбежать.

²² В каком городе я прятался, пока на меня не наложил арест суд по делам несовершеннолетних?

²³ Старейшая калифорнийская тюрьма, основанная в 1852 году, место исполнения смертных казней. Подробнее: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Сан-Квентин>

Все это должно было, согласно мануалу, поспособствовать перевоспитанию заключенного. Отлично.

Я сделал копии этих страниц.

Описание процесса рассмотрения претензий также оказалось интересным чтивом. Выяснилось, что лицо, содержащееся под стражей, имеет право запросить проведение серии слушаний, на последнее из которых приглашается независимый третейский судья. Этот человек выслушивает все факты и выносит беспристрастное решение, обязательное для исполнения.

Я прошел все этапы слушаний. Когда к процессу подключился независимый третейский судья, сотрудники инстанции по делам несовершеннолетних, а точнее *пятеро* из них, изложили свою точку зрения о моем деле, подкрепляя его страницами, скопированными из их же руководства о порядке действий.

Хороший ход, за исключением одного нюанса: мне было известно, что они ссылаются на устаревший вариант руководства, положения в котором были для меня, мягко говоря, неблагоприятны.

Когда мне дали слово, я сказал: «Позвольте показать вам *актуальную* версию руководства, которую эти господа вам не предъявили». Я добавил страстное обращение к присутствующим, в котором утверждал, что очень хочу реабилитироваться.

Третейский судья проверил даты публикации тех страниц, что предъявил социальный работник, а потом даты публикации страниц, которые предоставил я.

После всего судья подмигнул мне.

Он распорядился отправить меня в пенитенциарное учреждение, где читаются курсы из программы колледжа. Меня определили в колонию «Карл Холтон» в городе Стоктон, восточнее Сан-Франциско. Что ж, тоже далеко от дома, но я чувствовал себя победителем и очень собой гордился. Когда я вспоминаю об этой маленькой победе, у меня в голове звучат слова из песни Тома Петти: «You could stand me up at the gates of hell but I won't back down» («Можете сбросить меня к вратам ада, но я не отступлюсь»).

Для меня «Карл Холтон» оказался своеобразным «Холидей-Инном»²⁴ от калифорнийской инстанции по делам несовершеннолетних. Здесь были совсем неплохие условия проживания и питания. Хотя от «Карла Холтона» до нас было пять с половиной часов на машине, мама и бабушка приезжали ко мне через выходные, то есть раз в две недели. Как и раньше, они привозили мне целые сумки вкусностей. Мы могли жарить бифштексы или омаров на свежем воздухе. Казалось, я был свободным человеком. Еще мы с мамой любили искать четырехлистный клевер на лужайке, которая относилась к территории для свиданий на свежем воздухе. Эти встречи очень помогали мне скоротать время за решеткой. Социальные педагоги зачастую ловили момент, чтобы встретиться с моими родителями, а мой педагог казался маме исключительно вежливым.

Другие аспекты моего пребывания в этом месте были не такими уж гладкими. В колонии не разрешалось иметь никаких бритв кроме одноразовых, а я ими частенько резался, поэтому перестал бриться. У меня выросла густая пышная борода, из-за которой мой внешний вид совершенно изменился. Я решил, что буду носить ее только до тех пор, пока не выйду на свободу.

Всего через полгода мне дали досрочное освобождение. Когда был подготовлен документ «Условия освобождения», меня спросили: «Какое условие перед вами поставить, чтобы вы перестали заниматься хакингом?»

Как мне было ответить на этот вопрос? Я сказал: «Ну, хакинг бывает этичный и неэтичный».

²⁴ Международная сеть отелей, 3–4 звезды. Подробнее: http://en.wikipedia.org/wiki/Holiday_Inn

«Нужна юридически точная формулировка, – последовал ответ. – Как мне это записать?»

Мне вспомнился фильм *«Звездные войны»*. «Можете запретить мне темный хакинг».

В моем документе об освобождении так и написали: «Запрещается темный хакинг».

Кажется, эта формулировка попала на глаза какому-то репортеру из *LA Times*. Выражение прижилось и было широко растиражировано в прессе. Для меня темная сторона стала своеобразным ярлыком. Кевин Митник, или Темный Хакер.

После моего освобождения мне позвонил полицейский. Он представился Домиником Домино и признался, что он именно тот парень, который доставил меня в колонию для несовершеннолетних после того, как меня задержали в ресторанчике Fromin's. Домино готовил для лос-анджелесского департамента полиции учебный видеоматериал, посвященный киберпреступности. Он предложил мне записать интервью на камеру. На самом деле, а почему бы и нет?

Сомневаюсь, что они все еще пользуются этим материалом, ведь столько лет прошло. Однако на тот момент я фактически помогал лос-анджелесским копам научиться ловить таких же ребят, как я.

Я учился разрабатывать приложения на языке COBOL и языке-ассемблере компании IBM, обращаться с мейнфреймами IBM и мини-компьютерами HP.

В то время бабушка жила вместе с приятельницей Донной Рассел, которая была директором по программной разработке в компании 20th Century Fox. Эта дама предложила мне работу. Я думал: *«Круто, может, даже доведется дружить с кем-то из кинозвезд»*. Мне очень нравилась эта работа. Я трудился практически на съемочной площадке. Чтобы попасть в офис, нужно было пройти мимо звуковых павильонов. Плата была достойной. Я учился разрабатывать приложения на языке COBOL и языке ассемблера компании IBM. Плюс ко всему я учился обращаться с мейнфреймами IBM и мини-компьютерами HP. Как говорится, все хорошее когда-нибудь кончается. В данном случае – скорее раньше, чем позже. Другой сотрудник этой компании подал протест. Согласно последнему по профсоюзным правилам моя работа должна быть в первую очередь предложена сотруднику, который уже трудился на другой должности в данной компании.

Всего через два месяца я снова оказался на улице без работы.

Однажды утром произошло событие, ставшее для меня настоящим шоком: мне позвонил Мелвин Бойер, мой инспектор по условно-досрочному освобождению, и сказал: «Кевин, позавтракай под завязку, съешь, сколько сможешь, а потом приезжай, нужно встретиться». Ничего кроме проблем этот звонок не предвещал.

В мире лос-анджелесских радиолюбителей использовалась группа промежуточных станций (регенераторов сигнала). Она работала на частоте 147,435 МГц и называлась гадюшником. Там люди нападали друг на друга, ругались без всякого стеснения и глушили радиопередачи других коллег, работавших в этой сети. Для меня это место было площадкой для игр. Позже я узнал, что один парень, завсегдатай гадюшника, вероятно, имел на меня зуб. Он-то и позвонил в управление инстанции по делам несовершеннолетних, которая отвечала за условно-досрочное освобождение, и пожаловался, что я взломал сеть их компании. Я этого не делал, но тот парень работал в компании Хегох, что, полагаю, добавляло правдоподобия его словам.

Мама отвезла меня куда следует. Агент, который занимался надзором за лицами, получившими условно-досрочное освобождение, попросил пройти с ним в кабинет. Он сказал маме, что я долго не задержусь, и предложил ей подождать в фойе. На самом деле, как только мы оказались наедине, мне надели наручники и через заднюю дверь вытолкали из здания к

уже ожидавшей машине. Я кричал маме, что меня пытаются тайно увезти и арестовывают за то, чего я не совершал.

Как только мы оказались наедине, мне надели наручники и через заднюю дверь вытолкали из здания к уже ожидавшей машине.

Офицер по надзору за условно освобожденными и его начальник доставили меня в изолятор Ван-Ньюс. По иронии судьбы, мой дядя Митчелл звонил мне из этого самого изолятора всего несколько недель назад. Так случилось, что в жизни ему довелось попасть из грязи в князи, а потом также стремительно снова вернуться в грязь. Он стал миллиардером на рынке недвижимости, обосновался в особняке в районе Бель-Эйр, даже еще более престижном, чем Беверли-Хиллз, круче места не было во всем Лос-Анджелесе. Позже дядя подсел на кокаин, потом на героин, а этот наркотик – история стара как мир – отобрал у него дом, удачу, честь и самоуважение.

Несмотря на все, я по-прежнему был к нему очень привязан. В тот вечер, когда он позвонил мне из изолятора Ван Ньюс, я спросил: «Хочешь, я подправлю таксофон так, чтобы ты мог звонить бесплатно?» Конечно, он не отказался.

Тогда я сказал: «Когда мы закончим разговаривать, повесь трубку и набери номер 211-2345. Система автоматически сообщит тебе номер телефона, по которому ты звонишь. Потом набери мне обратно коллект-колл²⁵ и назови этот номер». Когда я узнал номер, нужно было разобраться с одним из коммутаторов компании. С моего компьютера я дозвонился на нужный коммутатор и изменил код класса линии того телефона, с которого набирал дядя. Теперь он считался не таксофоном, а домашним телефоном, который допускал как входящие, так и исходящие вызовы. В то же время я также добавил функцию разговора с автоматическим подключением третьего абонента и ожидание вызова. Кроме того, я запрограммировал телефон так, чтобы вся оплата за разговоры зачислялась на счет полицейского участка Ван Ньюс.

Прошла неделя, и я оказался в том же изоляторе, и благодаря дяде Митчеллу именно отсюда я мог куда угодно звонить бесплатно. Я провел у телефона всю ночь. Разговоры с друзьями помогли мне абстрагироваться от ситуации, в которой я оказался. Кроме того, мне следовало разыскать себе хорошего судебного представителя, поскольку я уже предчувствовал, какой развернется бой на пересеченной местности, когда мне вновь придется предстать перед лицом Совета по условно-досрочному освобождению при калифорнийской инстанции по делам несовершеннолетних. Права условно-досрочно освобожденных лиц были очень ограничены, а членам совета нужно было всего лишь поверить, что я, *возможно*, делал что-то из того, в чем меня обвиняют. Доказательства не должны были отвечать стандартному требованию «вне пределов разумного сомнения», в отличие от условий уголовного процесса.

Положение стало из плохого совсем плохим. Меня перевели в следственный изолятор графства Лос-Анджелес, потребовали раздеться догола, после чего продезинфицировали инсектицидом. Потом меня провели в общую камеру, и она ужаснула до смерти. Я не знал, кого бояться сильнее: эков, которые казались слишком свирепыми (они словно при первой возможности готовы вырвать тебе глаз), или тех полоумных молодчиков, которые могли ранить кого-то, но даже не заметить этого. Все койки уже были заняты, спать было негде. Я просто сел на корточки, прислонившись к стене, и изо всех сил старался не смыкать глаз. Поэтому, когда взошло солнце, все мои пожитки все еще были при мне.

Бойер, мой куратор по условно-досрочному освобождению из инспекции по делам несовершеннолетних, сказал маме: «Изолятор графства Лос-Анджелес – очень опасное

²⁵ Коллект-колл (collect call) – американская система связи, при которой звонок оплачивает принимающая сторона (<http://www.mid.ru/bdomp/dks.nsf/d00e27b424147bacc32570e50046cc22/8dlabc27b43a29e6c32570e5004c16f6!OpenDocument>).

место. Ему могут там навредить». Он похлопотал, чтобы на следующий день меня перевели обратно в Норволк. Если бы в тот день мне довелось увидеть Бойера, то я, наверное, бросился бы его обнимать.

Мне было уже 20, но благодаря условно-досрочному освобождению за меня все еще отвечала инспекция по делам несовершеннолетних. Эта ходка в приемник-распределитель Норволка являлась для меня третьей по счету. С некоторыми охранниками мы были уже хорошо знакомы.

Когда я предстал перед советом по условно-досрочному освобождению, стало понятно, что его члены не собираются слишком серьезно относиться к предъявленному мне обвинению. Ведь против меня не было никаких доказательств, а только одно сообщение, которое поступило от инспектора по условно-досрочному освобождению. Это сообщение было основано на единственной жалобе. Меня обвинили в том, что я не выполнил рекомендации Совета по условно-досрочному освобождению не пользоваться любительским радио, но это была лишь рекомендация, и она не имела юридической силы. Только Федеральная комиссия связи (FCC) могла лишить меня этого права. Мне дали срок 60 дней, к тому времени я провел за решеткой уже около 57, поэтому меня освободили через считанные дни.

Когда мама меня забрала, я попросил отвезти меня в полицейскую академию Лос-Анджелеса. Я слышал, что там продаются рамки для номерных знаков, которые якобы более мягко воспринимались полицейскими: если полисмен видел такой номер, он мог не остановить вас за нарушение правил дорожного движения. В книжном магазине академии я заметил большую стопку какого-то периодического издания: это оказался ежегодник Департамента полиции Лос-Анджелеса. Я попросил одну такую книгу в подарок для дяди, который работает в лос-анджелесской полиции. Книга стоила 75 долларов, но она была для меня не менее интересна, чем Святой Грааль²⁶: в ней напечатаны фотографии всех офицеров лос-анджелесского департамента полиции и *даже тех тайных агентов, которые были под прикрытием заброшены в мир организованной преступности.*

Интересно, по-прежнему ли они переиздают эту книгу каждый год и продают ее любому, кто готов заплатить наличными.

Одним из приятелей моей мамы был предприниматель Дон Дэвид Уилсон. Он руководил несколькими компаниями, которые подчинялись фирме Franmark. Дон взял меня на работу для выполнения задач, связанных с компьютерами: программирование, ввод данных и т. д. Работа была скучной, поэтому, чтобы сделать жизнь более интересной, захватывающей и найти в ней место для решения интеллектуальных задач, я – как вы, наверное, догадались – снова занялся хакингом и телефонным фрикингом. Зачастую компанию мне составлял старый соратник на этом фронте Стив Роудс, который приходил по вечерам и пользовался компьютерами фирмы Franmark.

Как-то раз, отправившись на обед в компанию одной молодой коллеги, я краем глаза заметил группу незнакомцев. Они всем видом напоминали полицейских. Присмотревшись повнимательнее, я узнал среди них моего инспектора по условно-досрочному освобождению, а также парня, который несколько лет назад искал у меня в машине логическую бомбу. Я уже знал, что они здесь не ради светского визита. Черт возьми! По жилам заструился адреналин, меня окатила волна страха. Я не мог побежать или даже ускорить шаг и не вызвать у них подозрений. Поэтому я пристроился спиной к мужчинам в форме и картинно обнял девушку, шепнув ей, что заметил старого знакомого и не хочу, чтобы он меня также засек. Мы сели в машину, все еще оставаясь на виду у той группы.

²⁶ Магический артефакт из средневековых сказаний. Совмещает черты чаши, в которую якобы собрал кровь Христа Иосиф Аримафейский (христианская традиция), и своеобразного кельтского рога изобилия (языческая традиция). Подробнее: http://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Грааль

Я нагнулся пониже, чтобы меня не было видно, и попросил девушку побыстрее отсюда уехать, сославшись на то, что мне нужно сделать важный звонок. С таксофона я набрал в отдел полиции Лос-Анджелеса Вест-Велли и попросил соединить меня с архивом. «Это детектив Шаффер, – сказал я. – Мне нужно проверить одного субъекта. Меня интересуют любые данные: эпизоды в регионе и материалы Национального информационно-криминологического центра ФБР. Меня интересует Митник, М-И-Т-Н-И-К, Кевин Дэвид. Дата рождения – 8 июня 1963 года».

Я, черт возьми, со всей ясностью представлял, каким будет ответ.

«Да, есть эпизод с его участием. Видимо, имело место нарушение предписаний калифорнийской инстанции по делам несовершеннолетних».

Чеееерт! Ну, по крайней мере, они не попытались меня арестовать.

Я позвонил маме и сказал: «Привет, это семь-одиннадцать. Нужно поговорить».

Это был код, по которому мы узнавали друг друга. Она знала, что такое 7–11. Это означало, что я в беде и мне нужно поговорить. Я пришел к маме и все ей рассказал, а также и то, что мне нужно где-то скрыться, пока я не решу, что делать.

Как я уже говорил, бабушка жила с подругой Донной Рассел, той самой, которая устроила меня работать в 20th Century Fox. Бабушка разрешила мне перекаптоваться в их квартире, на кушетке в зале. Там я вполне мог пожить несколько дней.

Мама отвезла меня туда, по дороге мы останавливались, я купил зубную щетку, бритву и несколько смен нижнего белья и носков. Оказавшись на месте, я первым делом заглянул в «Желтые страницы»²⁷ и поискал ближайшую юридическую школу. Там я провел несколько дней, вникая в закон о социальном обеспечении, но особо ни на что не надеялся.

Не зря говорят: «Если долго мучиться, что-нибудь получится». Я нашел положение, согласно которому при совершении ненасильственного преступления юрисдикция суда по делам несовершеннолетних истекает либо при достижении обвиняемым 22-летнего возраста, либо по истечении двух лет с момента вынесения приговора – в зависимости от того, что наступит позже. В моем случае это означало два года с февраля 1983 года, когда меня приговорили к тюремному сроку на три года и восемь месяцев.

Думай, думай! Простейшая арифметика показывала, что этот срок истечет примерно через четыре месяца. *А что если просто исчезнуть до тех пор, пока эта юрисдикция не утратит силу?*

Я позвонил моему судебному представителю и изложил эту идею. Он ответил мне с возмущением: «Вы абсолютно неправы. Фундаментальный юридический принцип заключается в том, что, если обвиняемый исчезает таким образом, когда уже подписан приказ о его аресте, временной лимит не аннулируется до тех пор, пока обвиняемый не будет найден, даже если это произойдет через много лет».

Потом он добавил: «Прекратите играть в юриста. Я юрист. Позвольте мне делать мою работу».

Я умолял его, чтобы он позволил мне следить за его работой. Это сильно раздражало, но в итоге он согласился. Когда я перезвонил судебному представителю через два дня, тот уже поговорил с Мелвином Бойером, инспектором по условно-досрочному освобождению, – я уже рассказывал, что этот парень мне сочувствовал и добился, чтобы я не попал в зверинец следственного изолятора графства Лос-Анджелес. Бойер сказал судебному представителю: «Кевин прав. Если он спрячется где-нибудь до февраля 1985 года, мы ничего не сможем сделать. К тому моменту распоряжение об аресте утратит силу и он соскользнет с крючка».

²⁷ Название телефонных справочников со сведениями о предприятиях и организациях (преимущественно в сфере обслуживания).

Среди людей попадаются настоящие святые. Донна Рассел связалась со своими родителями, которые жили в Оровилле, штат Калифорния. Это примерно в 150 милях²⁸ к северо-востоку Сан-Франциско. Конечно, они были не прочь взять квартиранта, который помогал бы им по дому и жил на ежемесячные стипендии от собственной мамы.

На следующий день я погрузился в грейхаунд²⁹, готовясь к долгому путешествию. На это время я решил взять себе псевдоним Майкл Фелпс – фамилию позаимствовал у героя телевизионного сериала *«Миссия невыполнима»*.

Возможно, кто-то из моих «надежных» друзей-хакеров пустил слух, что я уехал в Израиль. На самом деле ни тогда, ни в течение еще нескольких лет я не пересекал границу даже с Канадой или с Мексикой, тем более не отправлялся за океан. Эта история стала одним из эпизодов будущих легенд, еще одним ложным фактом моей биографии, с помощью которого судей позже пытались убедить не выпускать меня под залог.

Хозяев, приютивших меня в Оровилле, звали Джесси и Дюк. Это были пенсионеры, которые жили в сельской местности в усадьбе площадью примерно в половину акра³⁰. Прекрасные люди, но со слишком устоявшимися привычками. Они никогда не отступали от своих принципов. Подъем каждый день в 5.00, на завтрак кукурузный хлеб и молоко. После обеда Джесси и Дюк смотрели телеигры. Никакого компьютера. Никакого модема. Даже никакого любительского радио. Слишком аскетически для такого человека, как я, но все равно это не шло ни в какое сравнение с негостеприимными стенами инстанции по делам несовершеннолетних.

Эта пожилая пара держала кур и свиней, еще у них было две собаки. У меня не проходило ощущение того, что я оказался в комедийном телесериале *«Зеленые просторы»*. Могу поклясться, что один поросенок выглядел точно как Арнольд, свинка из этого сериала!

Разумеется, я не мог водить машину, так как единственные права были выданы на мое настоящее имя, а если бы меня нашли с этим именем, то должны были бы арестовать. Поэтому, чтобы познакомиться с окрестностями, я купил велосипед.

Мне нравилось ездить в местную библиотеку и часами что-то читать. Чтобы чем-то еще занять мозг, я записался на курс по уголовному праву в местном колледже.

Мне нравилось ездить в местную библиотеку и часами что-то читать. Чтобы чем-то еще занять мозг, я записался на курс по уголовному праву в местном колледже. Преподаватель был настоящим уголовным судьей в графстве Бьютт. На занятиях он ставил нам записи признательных показаний, а потом рассказывал, как наивно ведут себя подозреваемые, которые пытаются говорить с полицией без адвоката. Однажды он сказал: «Большинство преступников полагает, что смогут отмазаться, если подвешен язык». Я улыбнулся и понимал, что совет совсем неплох. Меня очень занимала мысль: что бы подумал преподаватель, если бы узнал, что среди его слушателей в первом ряду есть преступник и имеется даже ордер на арест этого человека.

Так я застрял в сериале *«Зеленые просторы»* на четыре месяца, пока не позвонил мой судебный представитель и не сообщил, что у него есть выданный калифорнийской инстанцией по делам несовершеннолетних документ о прекращении обязательств, то есть эта организация больше не имеет юрисдикции надо мной. Юрист подчеркнул, что это было постыдное прекращение обязательств. Кому теперь было дело до того, постыдное оно или

²⁸ Около 240 км.

²⁹ Туристические автобусы в США и Канаде. Названы так по логотипу компании, серой гончей (англ. grey hound), изображенной на каждом автобусе. Подробнее: http://sd.and.ru/letters/immigration_news-31.html

³⁰ Около 0,2 га.

почетное? Если уж на то пошло, вся эта история постыдна с самого начала. Я ведь не из армии демобилизовался.

Через несколько дней я, полный всяческих надежд, снова был в Лос-Анджелесе. Ленни Ди-Чикко сумел устроиться на работу в авиакомпанию Hughes. Он был там оператором компьютера. Ленни очень хотел встретиться со мной и поделиться новостями. Кроме того, он добавил, что собирается сказать что-то лично мне и это не телефонный разговор. Мне не терпелось узнать, что же это может быть.

Глава 6

Взлом во имя любви

*Kyoo olxi rzz Niyovo Cohjpcx oju dn T apopsy?*³¹

Ленни Ди-Чикко рассказал мне, что на этот раз, работая в авиакомпании Hughes, он завязал очень близкие отношения с одной девушкой из службы безопасности. Я должен был прийти в компанию ночью, когда эта девушка дежурила, и сказать ей, что работаю в DEC. Однако, когда я пришел, она подмигнула мне и пустила, не спрашивая ни о каких личных данных.

Появился Ленни. Он, высокомерный и самодовольный, как и раньше, проводил меня из фойе, однако на сей раз едва мог сдержать волнение. Ленни привел меня к компьютеру VAX, который был подключен к сети Arpanet. В последней уже имелись ссылки на ресурсы ряда университетов, исследовательских лабораторий, государственных подрядчиков и т. п. Набирая команды, Ленни сказал мне, что выходит в компьютерную систему Dockmaster, которая находится во владении Национального центра компьютерной безопасности (NCSC), сравнительно публичного отделения сверхсекретного Агентства национальной безопасности (NSA). Мы были в восторге, ведь никогда еще нам не удавалось так приблизиться к реальному подключению к NSA.

Хвастаясь своими социально-инженерными достижениями, Ленни сказал, что выдал себя за сотрудника отдела информационных технологий Национального центра компьютерной безопасности и выведal у одного сотрудника, некоего Т. Арнольда, его учетные данные для входа в систему. Он чуть не плясал от гордости. Ленни все еще был безобидным очкариком, поэтому казалось, что он так хвастается, потому что принял какой-то забористой дури. «Я такой же великий социальный инженер, как и ты, Кевин!» – кричал Ленни.

Он рыскал по системе около часа, но не достал никакой особо интересной информации.

Гораздо позже этот час доставил мне массу головной боли.

Я был уверен, что найду способ максимально быстро довести свои компьютерные навыки до такого уровня, что попаду на работу в вожделенную компанию General Telephone. Я заметил, что компания активно приглашает к сотрудничеству выпускников технической школы «Центр компьютерного обучения». Добираться от моего дома туда было легко, причем, чтобы получить сертификат, там требовалось проучиться всего шесть месяцев.

Нашлись деньги, которыми можно было оплачивать поездки: я получил федеральный студенческий грант Пелла, а также взял кредит на обучение. Еще мама немного добавляла мне на непредвиденные расходы. По правилам школы студенты-юноши должны были приходить на занятия в костюме и при галстуке. Я так не одевался с тех пор, как в 13 лет прошел обряд бар-мицвы. Теперь, когда мне было уже 23 и я, конечно, изрядно вымахал, тот костюмчик мне совершенно не подходил. Мама купила для меня два новых наряда.

Мне действительно очень нравилось программировать на ассемблере (языке сборки). Такое программирование требовало решать многочисленные интересные задачи, поэтому хакер должен был усвоить множество технических деталей. В результате получался более эффективный код, занимавший значительно меньшее пространство в памяти. Писать код на этом низкоуровневом языке было очень интересно. Я чувствовал, что обретаю полный контроль над моими приложениями: при программировании я оставался значительно ближе к машинному уровню, чем при работе с высокоуровневым языком COBOL. Классные занятия были довольно рутинными, на них явно не хватало решения интеллектуальных задач, но

³¹ О какой игре Сандра Ламберт спросила меня, умею ли я в нее играть?

там также было немало интересного. Я занимался тем, что мне действительно нравилось: подробно изучал компьютерные системы и программирование. Когда время от времени заходили разговоры на тему хакинга, я прикидывался, что совершенно в этом не разбираюсь, и внимательно слушал.

Конечно же, с хакингом я не завязал. Я играл в кошки-мышки с компанией Pacific Bell – под таким новым названием теперь работала Pacific Telephone. Стоило мне найти новый способ проникнуть на их коммутаторы, как кто-то из этой компании блокировал мой доступ. Я использовал номера дозвона, который применялся в RCMAC (Уполномоченном центре по работе с недавними изменениями данных). При помощи данных номеров RCMAC соединялся с различными коммутаторами для обработки заказов на обслуживание. Когда меня засекали, эти номера изменялись либо блокировались таким образом, чтобы я не мог на них дозвониться. Позже стоило моим соперникам зазеваться, как я мигом убирал это ограничение. Так продолжалось месяцами. Эти позиционные бои достигли апогея, когда я занимался взломом коммутаторов Pacific Bell настолько же регулярно, насколько принято ходить на работу.

Тогда у меня появилась идея применить более высокоуровневый подход: атаковать их систему центра управления коммутацией (SCCS). Если бы мне это удалось, я контролировал бы всю систему также полно, как если бы сам сидел за коммутатором. Я мог бы делать все, что захочу, мне не нужно было бы заниматься день за днем социальной инженерией и обманом ничего не подозревающих операторов. Я бы заполучил абсолютную силу и права доступа.

Для начала я атаковал SCCS в Окленде, штат Северная Каролина. При первом вызове я планировал сказать, что звоню из ESAC (центра технического обслуживания электронных систем). Этот центр занимался технической поддержкой всех программных компонентов SCCS, эксплуатировавшихся в компании. Итак, я занялся разведкой, прикрываясь именем настоящего работника центра технического обслуживания, а затем сказал: «Мне нужно подключиться к оклендскому центру управления коммутацией, но кабельное оборудование для связи в настоящий момент не работает, поскольку мы занимаемся техосмотром. Я хотел бы подключиться по номеру дозвона».

«Без проблем».

Сотрудник, с которым я говорил, сообщил мне номер дозвона, а также серию паролей, к тому же он остался на линии и поэтапно объяснил мне все, что нужно делать.

Вот незадача: это была система, где действовала мера безопасности «обратный вызов»: нужно было указать телефонный номер и дожидаться, пока тебе ответит компьютер. Что делать?

«Понимаете, – говорю, – я не на месте, в удаленном офисе». Это первое, что пришло мне в голову. «Поэтому я не смогу сделать обратный вызов».

Чудесным образом я нашел достаточно убедительный довод. «Конечно, я могу для вас запрограммировать вход без обратного вызова, войдете только по своему имени пользователя», – заверил меня сотрудник, наголову разбив всю филигранную систему безопасности своей компании, ведь эта система обязательно требовала, чтобы я набрал авторизованный номер обратного вызова.

Ленни составил мне компанию в авантюре по взлому SCCS. Мы оба заполучили доступ на пять-шесть коммутаторов центрального офиса, которые полностью контролировали. Это значит, мы могли делать все то, что и оператор в коммутационном отделе, который сидит за приборным щитом. Мы могли отслеживать линии, создавать новые телефонные номера, отключать любые телефонные номера, добавлять или удалять специальные абонентские функции, настраивать механизм ловушек и трассировки и с его помощью получать доступ к регистрационным журналам. Указанный механизм настраивается на линии и перехватыва-

вает номера входящих вызовов от абонентов, которые поневоле страдают от изнурительных телефонных звонков.

Мы с Ленни довольно долго всем этим занимались, с конца 1985 и большую часть 1986 года. В итоге мы подчинили себе все коммутаторы Pacific Bell, потом – коммутаторы штатов Юта и Невада, а со временем – многие другие по всей стране. Мы также пробрались в телефонную компанию Chesapeake and Potomak, которая известна как C&P. Эта компания обслуживала район Вашингтона, округ Колумбия, департаменты правительства США, которые находились там, а также Пентагон.

Только оцените весь парадокс: я прослеживаю звонки организации, которая считалась одним из самых крупных прослушивателей телефонов во всем мире.

Я не мог противостоять соблазну и оставить без внимания Агентство национальной безопасности. Это агентство пользовалось телефонными услугами компании, коммутационный центр которой находился в городе Лорел, штат Мэриленд. Доступ на этот коммутатор у нас уже был. В справочнике в качестве общего телефонного номера Агентства национальной безопасности был указан 301 688-6311. Проверив несколько произвольных добавочных номеров с одинаковой общей частью, я догадался, что NSA присваивался целый общий префикс. С помощью тестовой функции под названием «Скажи и наблюдай» – ею пользовались телефонисты на коммутаторе – я смог настроить связь и слушать случайные разговоры из текущих вызовов. Так я влез на одну линию и стал слушать разговор каких-то мужчины и женщины. Едва веря в то, что слушаю разговоры в телефонной сети Агентства национальной безопасности, я одновременно сгорал от возбуждения и страха. Только оцените весь парадокс: я прослеживаю звонки организации, которая считалась одним из самых крупных прослушивателей телефонов во всем мире.

Таким образом, я доказал, что мне это по силам. Время сматываться, причем срочно. Я не слишком долго был на линии и не понял, о чем именно говорили абоненты, я даже не хочу этого знать. Если бы данный разговор был действительно секретным, то, я уверен, он шел бы по засекреченной линии, но, даже если в нем и не было ничего особенного, я сильно рисковал. Вероятность того, что меня поймут, была почти нулевой в том случае, если я войду в систему один раз и никогда больше туда не вернусь.

Правительство так и не узнало об этом проникновении. Я бы не упоминал о нем здесь, если бы давно не истек срок давности данного нарушения.

Для нас с Ленни проникновение в каждую новую систему управления коммутацией было событием: мы как будто переходили на более высокие уровни в компьютерной игре.

Это был самый серьезный хакинг в моей карьере, поскольку такие взломы позволили нам приобрести неограниченный контроль и широту возможностей в большинстве телефонных систем Соединенных Штатов. Однако мы ни разу не воспользовались этими возможностями. Нам было приятно осознавать сам факт, что у нас есть эта сила.

В конце концов Pacific Bell обнаружила следы нашего доступа. К счастью, мы избежали не только ареста, но и каких-либо обвинений. Позже я узнал: менеджеры компании опасались, что, если дать огласку тому, что я делал, другие умельцы могли попытаться повторить мои подвиги.

Сначала Ленни допросили в службе безопасности самого аэропорта Hughes, а затем его вызвали на официальный допрос в ФБР.

Тем временем проникновение Ленни в Dockmaster не осталось незамеченным. Агентство национальной безопасности проследило источник взлома и вышло на Hughes, далее – на тот самый компьютерный зал, в котором работал Ленни в ту ночь, когда я его навещал. Сначала Ленни допросили в службе безопасности самого аэропорта Hughes, а затем

его вызвали на официальный допрос в ФБР. Ленни нанял судебного представителя, который сопровождал его на этот допрос.

Ленни сказал агентам, что ни он, ни я не имели никакого отношения к Dockmaster. Его несколько раз с пристрастием допрашивали менеджеры Hughes. Однако Ленни твердо стоял на своем и совершенно не хотел меня выдавать. Гораздо позже, правда, спасая свою шкуру, он заявил, что это я взломал Hughes, когда тем вечером приходил к нему на работу. Когда Ленни спросили, зачем он лгал на первом допросе и говорил, что я не имею к этому отношения, он ответил, что боялся, так как я угрожал убить его, если он меня выдаст. Разумеется, он просто отчаянно пытался оправдаться во лжи, сказанной агентам ФБР.

В журнале регистрации посетителей действительно нашлась запись о том, что Кевин Митник приходил на работу к Ленни. Неудивительно, что Ленни без церемоний выгнали из Hughes.

Через два года меня обвинили в том, что я владею секретными кодами доступа в сеть Агентства национальной безопасности, хотя на самом деле у меня был только вывод команды «whois», то есть список имен и телефонных номеров абонентов, зарегистрированных в Dockmaster. Этот список и так был выставлен на всеобщее обозрение в Arpanet.

Возвращаясь к истории о том, как я посещал компьютерную школу, следует упомянуть, что там учились не только парни, но и девушки. Среди этих мисс была одна классная миниа-тюрная студенточка по имени Бонни. На самом деле я не являлся самым красивым парнем, с которым она могла познакомиться. Я был обременен всем тем лишним весом, который стал накапливаться у меня в организме с тех пор, как в детстве мой компаньон по автобусным путешествиям приучил меня питаться преимущественно фастфудом. У меня было около 55 фунтов³² лишнего веса. Сказать, что я полный, — ничего не сказать.

Все же я считаю, что эта девочка была очень классной. Когда мы вместе корпели над школьными проектами в классе информатики, я стал посылать ей сообщения через всю комнату: просил не завершать моих программ, которые работали с очень высоким приоритетом. Ее ответы обычно были довольно милыми. Как-то раз я пригласил ее пообедать. Она ответила: «Не могу, я помолвлена». Однако мой хакерский опыт научил меня не сдаваться, так как выход обычно есть. Через пару дней я пригласил ее опять и еще добавил, что мне нравится ее улыбка. И (с чего бы это?) она согласилась.

Позже Бонни рассказала мне, что ее ухажер, возможно, не договаривает ей чего-то о своих финансах. Дело касалось его машин и того, сколько он по ним задолжал. Я сказал, что, если ей угодно, могу выяснить это. Она ответила: «Да, пожалуйста».

Мне удалось пробраться в систему TRW, кредитного агентства, когда я еще был в средней школе. Ничего сложного. Однажды вечером я зашел на задворки дилерского центра Galpin Ford в долине Сан-Фернандо и покопался в мусоре. Поиск занял всего 15 минут, но экспедиция с лихвой оправдалась. Я нашел стопку кредитных отчетов о людях, которые покупали автомобили у дилера. Невероятно, но в каждом отчете был напечатан код для доступа из Galpin в систему TRW. Кроме того, они продолжали открыто печатать этот код в кредитных отчетах *на протяжении еще многих лет*.

В те времена TRW была очень любезна к своим клиентам. Можно было позвонить туда, назвать имя продавца и правильный код доступа, а потом добавить, что вы не совсем понимаете, что нужно сделать, чтобы получить кредитный отчет на того или иного человека. Дама на проводе услужливо и подробно объясняла вам всю процедуру. Очень полезно для настоящих клиентов и не менее полезно для хакеров вроде меня.

Когда Бонни сказала, что она хотела бы разобраться с моей помощью в делах своего друга, я уже знал весь арсенал необходимых для этого приемов. Один звонок в TRW,

³² Почти 25 кг.

несколько часов за компьютером – и у меня в руках был кредитный отчет по этому парню, его банковский баланс, а также данные по имущественным правам. Подозрения подтвердились: он был далеко не таким состоятельным, как хотел казаться, а некоторые его активы были заморожены. По информации службы регистрации транспортных средств, он все еще владел той машиной, которую, со слов Бонни, уже продал. Все это мне не нравилось, но я не пытался подрывать их отношения. Несмотря на это, она отменила свою помолвку.

Недели через две-три после разрыва, когда Бонни привела в порядок свои чувства, мы стали встречаться. Хотя она и была на целых шесть лет старше и гораздо опытнее в сердечных делах, но считала меня умным и симпатичным, несмотря на мой лишний вес. Это были мои первые серьезные отношения: я просто летал на крыльях любви.

Нам с Бонни очень нравились тайская кухня и походы в кино, она приучила меня к пешим прогулкам. Часто я уходил с ней довольно далеко от давно обхоженных мест, мы прокладывали славные маршруты в расположенных неподалеку горах Сан-Габриель. Бонни поражалась моему умению добывать у людей информацию. Было еще одно совпадение, о котором я до сих пор не могу вспоминать без улыбки: моя подружка зарабатывала себе на жизнь и на обучение, трудясь в телефонной компании GTE – как вы помните, это была моя давняя хакерская мишень.

Окончив обязательный полугодичный курс обучения в компьютерной школе и получив сертификат, я задержался здесь еще на некоторое время. Ариэль, системный администратор, всеми силами старался застукать меня за получением административных привилегий в школьной системе VM/CMS на протяжении нескольких месяцев. Наконец он припер меня к стене, когда я прятался за занавеской в помещении с терминалами и рыскал в собственном каталоге Ариэль. В итоге оставалось только сдаться. Однако Ариэль не просто не стал исключать меня из программы, но и предложил мне сделку. Он был глубоко впечатлен моими навыками и тем, как лихо я взламывал школьные компьютеры. Поэтому он сказал, что если я соглашусь написать программы, которые сделают школьный мини-компьютер IBM менее уязвимым, то Ариэль оформит эту работу как дипломный проект. Представьте себе: школа обучала студентов всем премудростям информатики и в то же время нанимала студента, чтобы он улучшил школьную систему безопасности. Для меня это было первым большим признанием. Я отнесся к такому предложению как к комплименту и, конечно же, согласился. По завершении проекта я получил диплом с отличием.

После всего мы с Ариэль подружились.

Студенты охотно записывались в этот компьютерный центр, так как он предлагал учащимся значительный бонус: выпускников центра обычно приглашали на работу крупные компании. Одной из таких компаний была GTE, где Бонни работала, а я взламывал системы. Разве это не чудо?

Я прошел собеседование со специалистами из отдела информационных технологий компании GTE, затем достойно выдержал еще один разговор с тремя кадровиками. После всего мне предложили работу программиста. Мечты действительно иногда сбываются! Больше никакого хакинга: он мне просто уже не понадобится. Мне будут платить за то, чем я обожаю заниматься, и именно там, где я хотел бы этим заниматься.

Меня проводили обратно на рабочее место, чтобы я мог собрать вещи. Через несколько минут появился отряд сотрудников службы безопасности.

Меня проводили обратно на рабочее место, чтобы я мог собрать вещи. Через несколько минут появился отряд сотрудников службы безопасности. Среди них был тот парень, который обедал вместе со мной и с Бонни. Эти ребята обыскали мои вещи: хотели проверить, не

уношу ли я дискет с информацией, принадлежащей фирме. Ничего. На дискетах были только законные программы. Весь отряд проводил меня до выхода и дальше до моей машины.

Немного отъехав от здания, я заглянул в зеркало заднего вида. Все эти люди стояли у выхода и махали мне на прощание.

Моя карьера в GTE продлилась целых девять дней.

До меня дошли слухи, что чуть позже сотрудники отдела безопасности компании Pacific Bell вволю поиздевались над своими коллегами из GTE. Они считали очень забавным, что какая-то компания могла проявить такую беспросветную тупость, взяв на работу того самого знаменитого взломщика телефонов Кевина Митника, на которого в Pacific Bell уже несколько лет вели досье.

Что ж, бороться и искать, найти и не сдаваться. Преподаватель из учебного компьютерного центра также работал в национальном банке Security Pacific специалистом по информационной безопасности. Он посоветовал мне написать резюме в эту организацию. За несколько недель я прошел три раунда собеседований, последнее было с вице-президентом банка. Затем очень долго ждал решения. Наконец мне позвонили и сказали: «Один из наших кандидатов уже закончил колледж, но мы решили взять на работу именно вас». Мне предложили зарплату 34 000 долларов в месяц, для меня это было просто великолепно!

Они прислали уведомление на фирменном бланке, где было написано: «Мы рады приветствовать нового сотрудника Кевина Митника, приступающего к работе со следующей недели».

Помните ту статью в *LA Times*, в которой было указано мое имя и описан мой первый арест, еще когда я был несовершеннолетним? Этим журналисты нарушили не только закон, но и, поскольку я не достиг совершеннолетия, и мои личные права. Так вот, и в национальном банке Security Pacific нашлись сотрудники, которые читали эту статью.

За день до выхода на работу у меня состоялся странный телефонный разговор с Сандрой Ламберт, той самой дамой, которая наняла меня и основала организацию «Ассоциация защиты информационных систем» (ISSA). Наша беседа больше напоминала допрос.

Сандра Ламберт: «Вы играете в „Червы“?»

Я: «Вы о карточной игре?»

Сандра Ламберт: «Да».

У меня внутри все оборвалось. Финита ля комедия.

Сандра Ламберт: «Вы оператор любительского радио с позывным WA6VPS?»

Я: «Да».

Сандра Ламберт: «Вы имеете привычку рыскать по мусорным бакам за офисными зданиями?»

Я: «Ну, как вам сказать. Только если проголодаюсь».

Попытка пошутить провалилась. Она сухо попрощалась и повесила трубку. На следующий день мне позвонили из кадрового отдела банка и сообщили, что предложение о работе отменяется. Снова мое прошлое больно аукнулось мне.

Чуть позже в СМИ появился пресс-релиз, приписанный национальному банку Security Pacific, где сообщалось, что за квартал банк понес убытки в 400 миллионов долларов. Этот пресс-релиз был липовым: на самом деле он пришел не из банка и никаких потерь за квартал банк не понес. Конечно же, высшее начальство Security Pacific решило, что эта утка моих рук дело. Обо всем этом я узнал лишь через несколько месяцев на судебном слушании, когда обвинитель сообщил судье, что я совершил такой злонамеренный акт. Задумываясь о

том, кто бы мог это сделать, я вспомнил, что рассказывал Де Пэйну, как меня прокатали с работой. Через много лет я спрашивал его, имеет ли он отношение к тому пресс-релизу. Он решительно отрекся отданного дела. На самом же деле я этого также не делал. Это было не в моем стиле, я никогда не занимался такой зловредной мстостью.

Тем не менее этот ложный пресс-релиз стал еще одной легендой о Кевине Митнике.

Так или иначе, у меня была Бонни. Это был один из самых лучших подарков, которые мне когда-либо преподносила судьба. Однако знакомо ли вам ощущение, что такое прекрасное время не может длиться долго?

Глава 7

Поспешная свадьба

*Kvoh wg hvs boas ct hvs Doqwtwq Pszz sadzcmss kvcfсор hvs wbhsfboz asac
opcih am voqywbu oqhwjwhwsg cjsf hvs voa forwc?*³³

Недавно Бонни сказала, что она по-прежнему вспоминает, как интересно было с Кевин-ном, какой он был ласковый.

Те же чувства я испытывал и к ней. До нее мне случалось влюбляться и в других девушек, но это были мои первые серьезные отношения, первая любовь, которую я ценил так высоко. Наши вкусы сходились практически во всем, даже в чашечках с арахисовым маслом «Риз», за которыми мы специально заезжали по дороге домой. Вам, наверное, знакома та гармония, когда испытываешь чистый уют и счастье в компании совершенно определенного человека. Нет никаких сомнений в том, что именно такое общество было для меня лучшим лекарством после двух увольнений, которые последовали практически одно за другим. Я так подолгу бывал у нее дома, что стал постепенно перевозить туда вещи. Не могу сказать, что однажды мы решили: «Хорошо, давай жить вместе». Просто это произошло.

Нам нравилось вместе кататься на велосипедах, ходить на пляж с бутылкой вина. Мы любили гулять в Чантри-Флэт, в Аркадии. Это прекрасное место с водопадами находится в пределах графства Лос-Анджелес, оно напоминает настоящий лес. Очень классное освежающее бегство от реальности, особенно для такого бледного парня, как я, ведь дни и ночи я просиживал за компьютером.

Я даже не замечал, что Бонни, в сущности, была плохой хозяйкой, что в спальне всегда лежала куча ее нестираных вещей. Я никогда не был таким чистюлей, как мои родители, но мне нравится, когда вокруг прибрано и все лежит на своих местах. Мы с Бонни были настолько близки во всех отношениях, что, когда речь заходила о порядке в комнате, на это можно было просто закрыть глаза.

Поскольку работы у меня не было, я записался на курсы повышения квалификации в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса (UCLA). Он находился в Вествуде, недалеко от нас. Бонни решила проводить меня на эту запись.

После этого я стал ее обманывать – первый настоящий обман в наших отношениях. Я уходил по вечерам три раза в неделю, говорил, что иду учиться, а на самом деле ехал на работу к Ленни Ди-Чикко. Мы с ним занимались хакингом практически до восхода. Конечно же, я поступал низко.

По вечерам, когда оставался дома, я все время проводил за компьютером, пользуясь телефонной линией Бонни для хакинга.

По вечерам, когда оставался дома, я все время проводил за компьютером, пользуясь телефонной линией Бонни для хакинга, а она в одиночестве читала, смотрела телевизор, потом шла спать. Я мог бы сказать, что так я справлялся с разочарованием от тех работ, на которые «вас-уже – взяли – ой – нет-извините – вы-не подходите», но это было бы неправдой. Мне действительно было сложно переживать это огромное разочарование. Однако реальная причина была не в этом. Просто я страдал от сильнейшей зависимости.

Хотя Бонни это и раздражало, она мирилась с такими вечерами примерно также, как и я с беспорядком в доме. Прожив вместе несколько месяцев, мы оба осознавали, что полностью

³³ Как звали сотрудника Pacific Bell, прочитавшего по любительскому радио служебную записку о моих хакерских делах?

сроднились. Мы любили друг друга, поэтому стали говорить о браке и откладывать деньги. Все, что осталось от моей зарплаты (меня взяли на работу в компанию Fromin's Delicatessen, я помогал им усовершенствовать механизм учета), я превращал в стодолларовые банкноты, которые складывал во внутренний карман пиджака, что висел у нас в платяном шкафу.

Мне было 23 года, я жил на квартире у моей девушки и, пока не спал, практически все время проводил за компьютером. Я был как Давид с ПК, атаковавший Голиафа – сети крупнейших телефонных компаний, раскинутые по всей территории Соединенных Штатов.

Системы управления телефонных компаний были основаны на исковерканной версии операционной системы Unix, с которой я хотел познакомиться поближе. В Северной Калифорнии работала компания Santa Cruz Operations, или SCO. Она разрабатывала операционную систему для ПК под названием Xenix, построенную на базе Unix. Если бы мне удалось достать экземпляр исходного кода, то я мог бы изучить внутреннюю архитектуру этой операционной системы на собственном компьютере. Через Pacific Bell я достал секретные номера дозвола в компьютерную сеть SCO, а потом с помощью манипуляции вывел у сотрудницы ее логин и пароль, который сразу же заменил на свой. Доступ в SCO был открыт.

В какой-то момент, полностью погрузившись в изучение деталей SCO и пытаясь найти исходный код, который меня так интересовал, я обнаружил, что системный администратор следит за каждым моим шагом. Я послал ему сообщение: «Почему вы за мной наблюдаете?»

Представляете, он ответил! Его сообщение гласило: «Работа такая».

Чтобы проверить, насколько далеко он позволит мне зайти, я написал ему, что хочу завести собственную учетную запись в системе. Он создал для меня эту запись и даже выдал логин «хакер», который я попросил. Понимая, что системный администратор не прекратит слежку за этим аккаунтом, я просто отвлекал его, осматриваясь, но не задерживаясь ни на чем конкретном. Наконец найти искомый код мне удалось, но я так и не попытался его скачать, поскольку мой 2400-бадный модем не справился бы с данной задачей даже за целую вечность.

На этом история не закончилась.

Как-то раз Бонни пришла с работы и обнаружила в доме полный хаос: нас ограбили. Она отправила мне сообщение на пейджер, я позвонил и сразу услышал в ее голосе тревогу и отчаяние.

Я попросил ее посмотреть, не пропали ли из внутреннего кармана пиджака деньги, которые мы откладывали на свадьбу. Однако она почти сразу заметила, что моя стопка сто-долларовых купюр – к тому времени удалось скопить уже около трех тысяч – аккуратно выложена на кухонном столе... вместе с ордером на право обыска.

Это было не ограбление, а полицейский рейд. К нам наведальсь офицеры из департамента полиции, который занимался охраной компании Santa Cruz. Santa Cruz! Конечно, я понимал, что этот визит напрямую связан с моими ночными хакерскими похождениями по компьютерам Santa Cruz Operation.

Когда же Бонни сказала, что пропал мой компьютер, а вместе с ним и все диски, мой мир просто обрушился. Я велел ей быстро собрать самые необходимые вещи и одежду и встретиться со мной. Я понял, что впереди большие неприятности и они только начинаются. Мне нужен был адвокат, чтобы предупредить последствия. И срочно!

Мы с Бонни встретились в местном парке, туда же приехала моя мама. Я сказал им обоим, что ничего страшного я не делал, просто посмотрел. Действительно, я не повредил ни одного файла SCO и не скачал у них ни одного кода. Меня не так волновали грядущие юридические проблемы, как те страдания и переживания, которые я причинял двум этим женщинам и еще бабушке, самым важным людям в моей жизни.

Мама уехала домой, а мы с Бонни отправились в близлежащий мотель. Она была в отчаянии, как будто над ней надругались. Если бы она тогда бросила меня, то я считал бы,

что, несомненно, заслужил этого. Однако она уже совершенно не нервничала и показала себя как настоящий друг: она сказала, что поддержит меня. Она говорила не «что ты со мной сделал?», а «как нам быть дальше?»

На следующее утро Бонни позвонила на работу и попросила отпуск по семейным обстоятельствам за свой счет. Начальник сказал, что приходили офицеры полиции и хотели допросить ее. Я сразу подумал, что, поскольку взлом происходил из ее квартиры и с ее телефона, полиция пришла к выводу, что *она и есть хакер*. Однако затем мне показалось более вероятным, что они хотели арестовать мою девушку и использовать ее как козырь в переговорах: «Признайся во всем, или твою подружку посадят».

Несколько следующих дней я провел, звоня адвокатам, объясняя ситуацию, составляя планы. Бонни вспоминала об этом так: «Мы много плакали друг у друга на груди, но беззаветно держались друг за друга».

Почему она меня тогда просто не бросила? Сегодня она признается: «Я безумно любила Кевина».

Чтобы хоть чуть-чуть снизить градус волнения и беспокойства, в те дни мы много занимались любовью. Мне было очень стыдно, что я втянул Бонни в такую передрагу, а к тому же доставил массу беспокойств маме и бабушке. Полагаю, этот основной инстинкт спасал и меня, и мою любимую.

Тетя Чики отвезла нас с Бонни в шерифское управление графства Лос-Анджелес «Западный Голливуд». Мы сразу во всем признались, и тетя немедленно внесла за нас залог по 5000 долларов. Почему-то в полиции забыли нас дактилоскопировать и сфотографировать. Из-за этой крупной процессуальной ошибки ни на меня, ни на Бонни не была составлена регистрация ареста. До сих пор нет никаких официальных данных о том, что меня арестовывали по обвинению Santa Cruz Operation. Пожалуйста, никому об этом не рассказывайте.

В течение следующих месяцев нам пришлось сделать не один визит на судебные заседания по иску, предъявленному Santa Cruz. Я вынужден был купить четыре авиабилета туда и обратно: у Бонни был свой судебный представитель. Я также раскошелился на оплату гостиницы, прокат машины и на еду. Оба судебных представителя потребовали выплату гонорара авансом. Оказалось, что на гонорар моему адвокату уйдут как раз те три тысячи, которые я так долго копил. Мама и бабушка одолжили мне денег на оплату услуг адвоката Бонни и на все остальные расходы.

Итак, у нас не осталось ни копейки на красивую свадьбу, но это еще полбеды. Нужно было сообщить Бонни еще одну новость, которая никак не вписывалась в любовный или романтический контекст: мы должны были пожениться, чтобы она не имела права давать против меня показания в суде, а также для того, чтобы она могла навещать меня в тюрьме – я чувствовал, что в итоге там окажусь.

Я подарил Бонни обручальное кольцо с бриллиантом, и нас обвенчал священник, который служил в приходе в Вудленд-Хиллз, родном местечке Бонни.

На церемонии присутствовали бабушка и мама со своим тогдашним мужчиной – предпринимателем Арни Фромином, который занимался ресторанным бизнесом. Никто из семьи Бонни к нам не присоединился: мать невесты, что неудивительно, была в ярости от той ситуации, в которую я впутал ее дочь.

Это не была та волшебная сказка, о которой так мечтают юные девочки. Бонни вышла замуж в шортах, кофточке без рукавов и резиновых шлепанцах. Она даже не попыталась нарядиться. После церемонии мы отправились в нашу квартиру. Бабушка привезла целый поднос еды.

Юридически наше положение только ухудшалось. Кроме уголовных обвинений, SCO подала на меня иск в размере 1,4 миллиона долларов – во столько был оценен нанесенный мной ущерб. То же касалось и Бонни.

Адвокаты противоположной стороны сообщили, что представители SCO готовы отозвать гражданские иски, если я расскажу им, как проник в систему.

Дела пошли немного на лад. Оказалось, что эти огромные иски были выдвинуты только для того, чтобы на нас надавить. Адвокаты противоположной стороны сообщили, что представители SCO готовы отозвать гражданские иски, если я расскажу им, как проник в систему. Специалисты компании так и не смогли этого понять.

Конечно же, я согласился. Мы встретились с системным администратором Стивеном Марром, который вел себя так, словно мы хорошие друзья и собираемся поболтать. Я же относился к встрече не менее серьезно, чем к даче показаний. Он спрашивал, а я отвечал. Однако рассказать мне на самом деле было особенно нечего. Никаких высокотехнологичных хакерских секретов. Я рассказал, что просто позвонил секретарше, выведал у нее логин и пароль, а потом изменил ее пароль на свой. Только и всего.

Хотя мать Бонни не приезжала к нам на свадьбу, она устроила нам прием по поводу бракосочетания у себя дома в Сан-Димасе. На этот раз Бонни облачилась в свадебное платье, а я надел смокинг, который взял напрокат. На приеме были мой отец и брат Адам, конечно же, мама и бабушка, а также сестра и братья Бонни, даже бывший бойфренд моей молодой жены. Этот день удался больше, чем сама свадьба, на торжестве даже присутствовал фотограф и был настоящий свадебный пирог.

Уголовный процесс по поводу взлома SCO разрешился куда лучше, чем я рассчитывал. С Бонни были сняты все обвинения, а мой судебный представитель, который был знаком с государственным обвинителем Майклом Бартоном, сослужил мне хорошую службу. Что до всего остального, то технически это было первое правонарушение, так как данные о моих деяниях в период несовершеннолетия были опечатаны и дело квалифицировалось как малозначительное преступление. Однако поскольку я был Кевином Митником, человеком с изрядно подмоченной репутацией, государственный обвинитель сначала пытался вменить мне тяжкое преступление, несмотря на то что юридически мое противоправное проникновение в сеть SCO было малозначительным нарушением. Я согласился признать незаконное проникновение, чтобы уладить дело и снять все обвинения с Бонни. На этот раз мне не пришлось провести за решеткой ни дня, я только уплатил совсем небольшой штраф в 216 долларов и получил условный срок в два с половиной года. При этом я не должен был отчитываться перед инспектором по надзору за условно осужденными. Было еще одно очевидное условие: мне пришлось пообещать не совершать преступлений.

Через несколько дней я съездил в Santa Cruz, чтобы забрать имущество, которое было изъято при обыске. Полицейские отдали мне компьютерный терминал, но не диски.

Через несколько дней я съездил в Santa Cruz, чтобы забрать имущество, которое было изъято при обыске. Полицейские отдали мне компьютерный терминал, но не диски. Меня это очень беспокоило, поскольку на этих дисках были компрометирующие меня данные о взломах систем в Pacific Bell, а также о визитах в другие интересные места. Однако полицейские не вернули еще одну коробку, которую, должно быть, рассматривали досконально и придирчиво: там были записки марихуаны и трубка для ее курения, которые принадлежали Бонни. Чего я хотел от Santa Cruz с департаментом полиции в небольшом городе?

У истории с Santa Cruz был свой эпилог. Как я и опасался, следователи этой компании решили повнимательнее изучить те диски и передали в Pacific Bell информацию о том, что я

делал в их системах. Отдел безопасности Pacific Bell был настолько встревожен, что распространил специальную служебную записку между всеми менеджерами. Познакомился я с ней самым что ни на есть необычным способом. Один из сотрудников Pacific Bell по имени Билл Кук также был оператором любительского радио и использовал пресловутый регенератор сигнала³⁴, который работал на частоте 147,435 МГц в Лос-Анджелесе. Он-то и прочитал эту записку в эфире, просто чтобы меня позлить.

Разумеется, я должен был увидеть записку сам. Но как мне ее заполучить?

Я позвонил на работу Льюису де Пэйну и попросил его временно перепрограммировать стоявший у него в офисе факс так, чтобы машина принимала входящие звонки и отвечала, что относится к отделу обеспечения безопасности компании Pacific Bell.

Затем я дозвонился на коммутатор компании, которая оказывала услуги телефонии отделу безопасности Pacific Bell, и перепрограммировал линию их факса так, чтобы входящие звонки на этот номер переадресовывались на номер факса, что стоял на работе у Льюиса. На этом приготовления закончились.

Потом я позвонил в офис Фрэнка Спиллера, вице-президента компании Pacific Bell. Ответила его секретарь-референт. Я сказал, что звоню из отдела безопасности Pacific Bell, и представился одним из реальных следователей по вопросам посягательства на внутреннюю безопасность. Кажется, я назвался Стивом Догерти.

Я спросил: «Фрэнк получил служебную записку по делу Кевина Митника?»

«А кто это такой?» – спросила секретарша.

«Да тот хакер, который взломал наши компьютеры».

«А, точно. Вот она, у меня».

Я сказал: «Кажется, я переслал вам старую версию, мы ее уже дополнили. Можете переслать вашу версию обратно по факсу мне?» Я дал ей внутренний номер факса отдела безопасности Pacific Bell, который относился к Северной Калифорнии.

«Конечно, – сказала она, – сейчас сделаю». Как только Льюис получил факс, он переслал его мне. Потом мы в обратном порядке повторили операцию с факсом, отменив тем самым сделанную переадресацию.

Вот список того, что согласно служебной записке было найдено на моих гибких дисках:

- расшифровка информации, незаконно полученной мною со всех компьютеров коммутационных центров (SCC) и центров обслуживания электронных систем (ESAC) Южной Калифорнии; в файле перечислены имена, логины, пароли и номера домашних телефонов сотрудников, которые работают в центрах обслуживания электронных систем, со всей Южной и Северной Калифорнии;

- номера дозвола и документы для опознавания каналов связи коммутационных центров и кабелей для синхронизации ПК;

- команды для тестирования и занятия линий, каналов автоматического тестирования магистралей;

- команды и логины для коммутационных центров Северной и Южной Калифорнии;

- команды для контроля линий и занятия сигнала «ответ станции», то есть длинного гудка;

- упоминания о маскировке под агентов службы безопасности Южной Калифорнии и сотрудников центров обслуживания электронных систем с целью добычи информации;

- команды для создания прерываний исходящих и входящих вызовов;

- адреса комплексов компании Pacific Bell, коды для открытия электронных замков следующих центральных офисов, расположенных в Южной Калифорнии: ELSG12, LSAN06, LSAN12, LSAN15, LSAN56, AVLN11, HLWD01, HWTN01, IGWD01, LOMT11 и SNPD01;

³⁴ Имеется в виду описанный выше гадюшник.

- корпоративная электронная переписка, которая описывает новые процедуры входа в систему и введения пароля, а также меры безопасности;
- аналитическая таблица хакерского файла программы – считывателя шифрования UNIX; при успешной расшифровке этот инструмент позволяет взломать любую программу UNIX.

Представляю, какое множество сотрудников компании были шокированы, оценив, насколько глубоко я проник в их системы, аккуратно преодолел все выверенные уровни защиты. Учитывая, что именно было найдено на этих дисках, я просто не понимал, почему в мою дверь еще не стучат люди из ФБР.

Через несколько месяцев, осенью 1988 года, я снова стал работать у Дона Дэвида Уилсона во Franmark. Бонни продолжала работать в GTE, хотя и была уверена, что отдел безопасности этой компании пытался собрать против нее улики и обвинить во взломе. Мы снова копили деньги. На этот раз мы пытались отложить достаточно, чтобы сделать первый взнос на собственный дом. Нам уже попадались несколько приятных жилищ, которые мы могли себе позволить, но они были настолько далеко от города, что поездки на работу и обратно очень быстро стали бы изнурительными и тягостными.

Пытаясь поддержать наше стремление обзавестись собственным домом, мама предложила переехать в свободную спальню у нее дома, чтобы мы могли не платить за съем жилья и собрали наш первый взнос быстрее. Хотя эта идея особо не понравилась ни мне, ни Бонни, мы решили попытаться.

Переезд к маме действительно оказался ошибкой. Она всеми силами старалась делать за нас все, поэтому у нас просто не оставалось личного пространства. Позже в личном письме Бонни жаловалась, что из-за мамы она отошла на второй план, пыталась этому сопротивляться и немного злилась.

Мы все сильнее отдалялись друг от друга, я все глубже и глубже уходил в хакинг, проводя все рабочие дни во Franmark, а ночи почти до рассвета – в компании Ленни Ди-Чикко. В основном нас интересовал взлом корпорации Digital Equipment Corporation (DEC).

Когда Ленни рассказал, что записывается на компьютерные курсы в близлежащем колледже Пирса, я решил, что также запишусь и составлю ему компанию, несмотря на то что прежде мне довелось повздорить с деканом факультета информатики, благодаря которому меня исключили из программы. Оказалось, что администраторы меня не забыли, но тогда я этого еще не знал.

Как-то раз мы с Ленни пришли в студенческий компьютерный класс. Там была установлена группа терминалов, подключенных к системе виртуальной памяти Micro VAX. Мы быстро взломали машину и получили полные привилегии. Ленни написал скрипт, который позволил нам сделать копию всей системы. Мы не собирались никак ею пользоваться, для нас это был просто трофей. Итак, как только мы вошли в систему, Ленни вставил кассету с магнитной лентой в ленточный накопитель и запустил скрипт. Он начал резервное копирование, и мы ушли. Мы собирались вернуться через несколько часов, когда копирование завершится.

Чуть позже, когда мы шли по кампусу, мне на пейджер пришло сообщение от Элиота Мура, моего старинного друга, с которым я какое-то время не общался. Я пошел к таксофону и перезвонил ему.

«Ты в колледже Пирс?» – спросил он.

«Да».

«Ты вставлял кассету в накопитель?»

«Ох, черт, да... – сказал я. – А ты-то откуда знаешь?»

«Не возвращайся в кабинет, — ответил он, — тебя уже ждут». По счастливой случайности Элиот оказался в компьютерном классе в тот момент, когда инструктор заметил мигание индикатора на ленточном накопителе Micro VAX. Не было никаких сомнений: кто-то вставил в компьютер кассету и копировал какие-то файлы.

Преподаватель информатики Пит Шлеппенбах заподозрил нас. Элиот позвонил мне сразу же, как только случайно услышал разговор преподавателя с другим сотрудником. Не предупреди он нас, мы пришли бы прямо в расставленную ловушку.

Позже колледж сообщил об этом инциденте в лос-анджелесский департамент полиции.

Поскольку мы так и не вернулись, чтобы забрать кассету, у полиции не было никаких доказательств и нас не отчислили. Мы продолжали ходить на занятия и работать в компьютерном классе. Однако полиция за нами внимательно следила: копы прятались на крышах, с которых просматривался компьютерный класс. Слежка за нами продолжалась целыми днями. Почему-то задача по копированию студенческой работы из класса информатики стала делом с наивысшим приоритетом. Нет никаких сомнений, что полиции было чем заняться и кроме нашего выслеживания. Несмотря на это, по вечерам они провожали нас до работы Ленни, где мы до утра просиживали за хакингом. Полиции было известно, что ничем хорошим мы там не занимаемся, но никаких доказательств она предоставить не могла.

Полагаю, сотрудники колледжа Пирса были очень разочарованы и не хотели просто забыть о том случае. Как-то раз я заметил на парковке колледжа служебный автомобиль компании DEC. Тогда я позвонил в региональное отделение DEC, которое обслуживало район Лос-Анджелеса, представился сотрудником отдела оплаты счетов из колледжа Пирса и спросил, чем они у нас занимаются в настоящее время.

«Ох, — ответил парень на проводе, — помогаем вам поймать парочку хакеров».

На терминале, расположенном в компьютерном классе колледжа, я мог проверить ячейку запоминающего устройства, где находился мой студенческий аккаунт, и просмотреть всю проверку безопасности, которая там проводилась. Ленни проверил свой аккаунт аналогичным образом. Действительно, его учетная запись также проверялась. Сотрудник DEC сидел в специальной кабинете с компьютером и принтером и наблюдал за всеми нашими действиями, производимыми со студенческих аккаунтов. Я понял это, когда пришел как-то раз в кабинет информатики пораньше, до техника, и проследил его путь до той самой комнатки. Я считал, что они немного переигрывают, ведь на самом деле в данном классе студенты всего лишь выполняли лабораторные работы и при этом не подключались ни к каким телефонным или другим сетевым линиям. Однако я нашел, чем занять этого шпиона: написал очень простой скрипт, который снова и снова перечислял файлы у меня в каталоге. Поскольку при проверке безопасности требовалось посылать подробное уведомление о каждом файле, который открывался либо считывался, я знал, что принтер будет работать беспрерывно. Я прямо представлял себе, как этот парень сидит в клеточке и рвет на себе волосы из-за того, что просто не успевает заряжать в принтер новую бумагу. Как только в аппарате появляется новая бумага, бесконечная распечатка возобновляется, и так до бесконечности.

Через некоторое время преподаватель выставил меня и Ленни из компьютерного класса и обвинил нас в том, что мы вводим неразрешенные команды. Я спросил: «Разве я не могу делать в моем каталоге с файлами все, что хочу?» Однако нас с Ленни все же отправили к декану для дальнейшего разбирательства.

В течение нескольких следующих недель администраторы Пирса устроили настоящий судебный фарс со слушанием нашего дела. Они все еще подозревали нас в хакинге, но не могли ничего доказать. Не было свидетелей. Не было отпечатков пальцев. Не было признаний. Тем не менее нас с Ленни отчислили из колледжа на основании косвенных улик.

Глава 8

Лекс Лютор³⁵

*Iwh xwqv wpvpj fwr Vfvyj qks wfnzc negsoo esgpsd gwc ntoqujvr ejs rypz
nzfs?*³⁶

Мы с Ленни хотели добыть исходный код операционной системы VMS корпорации DEC, изучить этот код и найти бреши в системе безопасности. Кроме того, мы могли бы просмотреть комментарии разработчиков, которые касались устранения проблем безопасности. Мы могли в обратном порядке смоделировать функции, что обсуждались в этих комментариях, понять, в чем заключались проблемы, и выбрать удобные места для эксплойта. Нам также хотелось заполучить возможность самостоятельно компилировать части операционной системы, чтобы потом было проще устанавливать патчи для обходного доступа в систему (бэкдоры) в те системы, которые мы собирались взламывать. Мы планировали предпринять социально-инженерную атаку на DEC и попасть в кластер разработки VMS. Я добыл номер дозвона в модемный пул отдела разработки VMS.

На работе Ленни сходил на распределительный щит всего здания, чтобы найти линию факса, принадлежавшую другому сотруднику, который работал в этом здании. Поскольку в данном здании располагались офисы многих компаний, он мог врезать чей-нибудь кабель в свободную кабельную пару, которая шла в компьютерный зал VPA, предназначенный для оптимизации производительности VAX (так назывался компьютер с расширенной виртуальной адресацией). Никто не смог бы отследить наши исходящие вызовы.

Тем временем я зашел в отель Country Inn, что неподалеку от офиса, и позвонил Ленни с таксофона. Как только он ответил, я позвонил с другого таксофона на основной номер DEC в городе Нашуа, штат Нью-Гэмпшир. Там находились лаборатории и отдел разработки.

Так я и стоял между двумя телефонами, прижав к каждому уху по трубке.

В Нашуа мне ответила дама, я сказал ей, что также работаю в DEC. Потом спросил, где у них компьютерный зал, и взял у нее операционный телефонный номер.

Позвонив в тот отдел, я воспользовался именем кого-то из разработчиков и спросил, поддерживается ли обслуживание группы «Звездное скопление» системы VMS. Эта группа использовалась при разработке операционной системы. Сотрудница DEC подтвердила, что я прав. Тогда я прикрыл одну трубку рукой, а в другую сказал Ленни набрать номер для дозвона к модему.

Далее я попросил сотрудницу ввести команду «отобразить пользователей» и показать, кто в данный момент работает в системе. Если кто-то как раз заходил в систему – именно это сейчас делал Ленни, – то рядом с именем устройства и терминалом, который используется для входа, стояла бы метка <LOGIN>. Вот что увидела на экране дама:

³⁵ В американских комиксах это антигерой, злейший враг Супермена (http://ru.wikipedia.org/wiki/Лекс_Лютор).

³⁶ Сколько денег должен был мне Ленни, проиграв пари о том, что я не смогу подобрать код к двери?

VMS User Processes at 9-JUN-1988 02:23 PM¹

Total number of users = 3, number of processes = 3²

Username	Node	Process Name	PID	Terminal ³
GOLDSTEIN	STAR	Aaaaaa_fta2:		2180012D FTA2:
PIPER	STAR	DYSLI		2180011A FTA1:
<LOGIN>				2180011E TTG4:

¹ Пользовательские процессы VMS, 9 июня 1988 года, 14:23.

² Общее количество пользователей — 3, общее количество процессов — 3.

³ Имя пользователя, узловой процесс, имя-идентификатор процесса, терминал.

Надпись <LOGIN> показывала, что Ленни заходит в систему с устройства TTG4. Потом я попросил оператора ввести команду «порождение»:

```
spawn/nowait/nolog/nonotify/input=ttg4:/output=ttg4:
```

Поскольку девушка не вводила с клавиатуры логины и пароли, ей было совершенно непонятно, что именно я прошу сделать. Она должна была знать, что команда «порождение» порождает процесс, но, видимо, операторы редко ею пользуются, поэтому дама не поняла, что происходит.

Эта команда создала на модеме, к которому подключился Ленни, зарегистрированный в системе процесс, действовавший в контексте аккаунта оператора. Как только оператор ввела команду, на терминале Ленни появилось приглашение «\$». Это означало, что он входит в систему со всеми привилегиями оператора. Когда появился символ «\$», Ленни так обалдел, что стал просто кричать в трубку: «Пришло приглашение! Пришло!»

Я отнес трубку с криками Ленни подальше от уха и спокойно сказал оператору: «Извините, я отлучусь на секундочку. Сейчас буду».

Поплотнее прижав к ноге трубку, по которой говорил с девушкой, я взял трубку Ленни и сказал ему: «Заткнись!» Затем продолжил разговор с оператором.

Ленни немедленно пробил, активирована ли проверка безопасности. Да, она действовала. Поэтому, чтобы не создавать для нас новый аккаунт (это неизбежно вызвало бы срабатывание тревожного уведомления системы безопасности, возникли бы лишние подозрения), Ленни просто изменил пароль неактивного аккаунта, который имел все системные привилегии.

Тем временем я поблагодарил оператора и сказал, что она может выходить из системы.

После этого Ленни сделал обратный вызов и вошел в неактивный аккаунт с помощью своего нового пароля.

Как только мы проникли в отдел разработки VMS, нашей основной целью стало получение доступа к новейшей версии исходного кода данной операционной системы. Это было не слишком сложно. Когда мы выстроили список дисков, подключенных к системе, оказалось, что один из них называется VMS_SOURCE. Нам донельзя облегчили работу.

Тогда мы уже загрузили в систему небольшой инструмент, который был специально предназначен для аккуратного отключения проверок безопасности без передачи сигнала тревоги.

Тогда мы уже загрузили в систему небольшой инструмент, который был специально предназначен для аккуратного отключения проверок безопасности без передачи сигнала тревоги. Когда предупреждения были отключены, мы настроили пару пользовательских аккаунтов с полными привилегиями, а также изменили пароли еще нескольких привилегированных аккаунтов, которые не использовались как минимум на протяжении шести месяцев. Мы хотели скопировать новейшую версию исходного кода в систему Университета Южной Калифорнии, чтобы полностью контролировать код даже после того, как выгрузимся из «Звездного скопления».

Создав наши новые аккаунты, мы вошли в почтовый ящик Энди Голдстейна. Он был членом первого состава команды разработчиков VMS в Digital, его хорошо знали в сообществе VMS как эксперта по операционным системам. Мы были в курсе, что он, в частности, работал над проблемами безопасности VMS, и решили: его почта – хорошее место, где стоит поискать сведения о последних сложностях с безопасностью, которые пыталась исправить DEC.

Мы обнаружили, что Голдстейн получал отчеты о возникновении ошибок в системе безопасности от одного парня по имени Нейл Клифт. Я быстро разузнал, что Клифт был аспирантом британского университета в Лидсе, где изучал органическую химию. Очевидно, он также был компьютерщиком-энтузиастом с уникальным талантом: Клифт мастерски находил уязвимости операционной системы VMS и исправно докладывал обо всех найденных прорехах в DEC. Однако он не просек, что теперь докладывает о них и мне.

Так мы выполнили первый кусок работы над тем, что позже оказалось настоящей золотой жилой.

Просматривая почту Голдстейна, я нашел письмо, в котором содержался подробный анализ толкового патча для Loginout – программы, с помощью которой происходил вход в систему VMS. Этот патч разработала группа немецких хакеров со звучным названием «Компьютерный клуб „Хаос“» (CCC). Несколько членов данной группы специализировались на разработке патчей для конкретных программ VMS. Эти патчи обеспечивали полный контроль над системой.

Патч Loginout для VMS также модифицировал некоторые аспекты программы входа в систему, в частности отдавал команду секретно сохранять пароли в скрытой области системного файла авторизации. Это делалось, чтобы наделять пользователя невидимостью, а также отключать все уведомления об опасности при входе кого-либо в систему под специальным паролем.

Я позвонил ему в больницу и объяснил, что заполучил анализ патчей-лазеек, разработанных их клубом для программ Loginout и Show, и считаю эти патчи чертовски толковыми.

В газетных статьях о компьютерном клубе «Хаос» упоминалось имя лидера. Я нашел его номер и позвонил. На тот момент моя собственная репутация в среде хакеров уже стала возрастать, и он узнал меня по имени. Лидер сказал, что мне следует поговорить с другим членом их группы, который, увы, страдал последней стадией рака. Я позвонил ему в больницу и объяснил, что заполучил анализ патчей-лазеек, разработанных их клубом для программ Loginout и Show, и считаю эти патчи чертовски толковыми. Я спросил, нет ли у него других патчей или инструментов, которыми он хотел бы поделиться.

Этот парень оказался очень классным и общительным. Он предложил передать мне кое-какую информацию. К сожалению, ее пришлось пересылать обычной почтой, так как в больнице нет компьютера. Через несколько недель я получил посылку с распечатками, где подробно описывались многие хаки, разработанные этой группой, но еще не попавшие в открытый доступ.

Мы с Ленни решили расширить и дополнить разработки клуба «Хаос». Мы улучшили некоторые патчи, сделав их еще более функциональными. В сущности, ССС создал тот базис, на котором мы возводили надстройку. Выходили новые версии VMS, а я и Ленни адаптировали к ним наши патчи. Поскольку Ленни все время работал в компаниях, оборудованных системой VMS, мы могли тестировать патчи на его рабочих компьютерах и развертывать в системах, над которыми хотели сохранить контроль.

После того как были взломаны системы нескольких крупнейших клиентов DEC, программисты компании разработали средство защиты, которое должно было обнаружить патч «Хаоса». Мы с Ленни нашли программу-ищeyку, проанализировали ее и просто модифицировали патч так, чтобы инструмент DEC просто не мог его найти. Это было на самом деле не так сложно. Благодаря доработке, мы смогли внедрить наш патч в многочисленные копии системы VMS компании Digital по всему миру. Компьютеры Digital объединялись в глобальную сеть Easynet.

Найти код было несложно, но вот передать его оказалось трудноразрешимой задачей. Кода было много. Чтобы уменьшить его объем, мы попытались его заархивировать. В каждом каталоге находились сотни файлов. Всю эту информацию мы попробовали сложить в единый файл и зашифровать с той целью, чтобы любой посторонний, нашедший этот файл, принял его за кучу мусора.

Единственный способ сохранить доступ к файлам и иметь возможность изучать их в свободное время – найти в Easynet компании DEC такие системы, которые были бы подключены к сети Arpanet. Через подобные системы необходимые файлы можно было вывести из системы DEC. Мы отыскиали в Easynet всего четыре системы, которые имели выход в Arpanet. Однако этих ресурсов нам хватило для того, чтобы по частям перенести нужный код.

Оказалось, что наш изначальный план сохранить код в системе Университета Южной Калифорнии был, мягко говоря, недальновидным. Мы поняли, что нам потребуется более одного хранилища кода, чтобы не класть все яйца в одну корзину и на случай, чтобы вся работа не пошла прахом, если наш код обнаружат. Оказалось, перед нами возникла еще более значительная проблема: база кода была колоссальной. Если бы мы сохранили ее всю в одном месте, риск обнаружения заначки был бы слишком велик. Поэтому мы стали методично взламывать системы Arpanet и искать в этой сети другие безопасные тихие гавани. Стало появляться ощущение, что добыча кода из DEC – самая простая задача, а вот большая проблема заключается в том, чтобы найти место для хранения копий. Мы проникли в компьютерные системы авиабазы военно-морских сил на реке Патаксент, штат Мэриленд, а также к другим местам. К сожалению, база на реке Патаксент располагала совсем небольшим пространством для хранения информации.

Также мы попытались внедриться в компьютерные системы Лаборатории реактивных двигателей (ЛРД) в городе Пасадена, штат Калифорния. Для этого мы воспользовались нашей усовершенствованной версией патча «Хаос».

В ЛРД через какое-то время обнаружили, что их системы взломаны. Возможно, это произошло, потому что там специально отслеживались любые несанкционированные изменения программ Loginout и Show системы VMS. Вероятно, они произвели обратное конструирование, то есть расшифровали структуру двоичных файлов, чтобы определить, какие программы использовались при взломе, и решили, что к ним проникли члены компьютерного клуба «Хаос». Управление ЛРД выступило с этой версией событий в СМИ, после чего в новостях появилась масса сюжетов о немецких хакерах, которых засекли на взломе компьютеров Лаборатории ракетных двигателей. Мы с Ленни только посмеялись над этим инцидентом. Однако ситуация была тревожной, ведь нас смогли обнаружить.

Приступив к переносу кода, мы занимались им день и ночь, копируя код небольшими частями. Процесс был очень медленным. Скорость модемных соединений в те времена –

если это вообще можно назвать скоростью – составляла не более T1, то есть 1544 Мбит в секунду. Сегодня даже сотовые телефоны передают информацию гораздо быстрее.

Вскоре в DEC заметили нашу деятельность. Ребята, которые отвечали за поддержание систем в активном и рабочем состоянии, могли заметить, что что-то происходит, так как среди ночи в сети наблюдалось большое количество израсходованного трафика. Кроме того, они обнаружили, что у них на глазах сокращается свободное дисковое пространство. Обычно количество информации в системе исчислялось мегабайтами, в то время как мы ворочали гигабайтами.

Ночная активность и исчезновение свободного пространства явно говорили о том, что безопасность системы подугрозой. Администраторы быстро изменили все пароли и удалили все файлы, которые мы успели сохранить в системе. Это был серьезный отпор, но нас с Ленни такой поворот событий не отпугнул. Мы продолжали взламывать DEC из ночи в ночь, несмотря на все усилия администраторов. На самом деле, поскольку сотрудники компании и пользователи сети не осознавали, что мы контролировали их персональные рабочие станции и даже знали, какие клавиши они нажимают, мы с легкостью заполучали все новые учетные данные, как только они изменялись.

Системные администраторы DEC могли наблюдать, как по сети передаются многочисленные огромные файлы, но не могли понять, как остановить этот процесс. Наш неослабевающий натиск заставил их думать, что они подверглись какой-то корпоративной шпионской атаке со стороны международной бригады наемных хакеров, которых специально наняли украсть их флагманскую технологию. Об этих предположениях мы узнали из корпоративной электронной переписки. Ситуация действительно доводила их до безумия. Я в любой момент мог войти в систему и посмотреть, на каком этапе они находятся сейчас и что собираются делать дальше. Мы делали все возможное, чтобы администраторы продолжали идти по ложному следу. Поскольку мы обладали полным доступом к Easynet, то дозванивались в сеть из Великобритании и из других стран мира. Администраторам не удавалось обнаружить наши точки входа, так как мы постоянно их меняли.

С подобными проблемами мы столкнулись и в системах Университета Южной Калифорнии. Там администраторы также обнаружили, что сокращается свободное дисковое пространство на нескольких Micro VAX. Я и Ленни стали переносить данные ночью, но администраторы заметили нас и разорвали сетевое соединение. Мы попробовали заново, но они отключили систему на ночь. Мы немного повременили, дождались, пока администраторы усыпят бдительность, и вновь возобновили передачу данных. Эта игра продолжалась месяцами.

Иногда в свободное время между дуэлями с системными администраторами у нас возникало ощущение, что мы пытаемся высосать океан через соломинку.

Иногда в свободное время между дуэлями с системными администраторами, операциями с гигабайтами кода и смирением с убийственно медленным каналом передачи данных у нас возникало ощущение, что мы пытаемся высосать океан через соломинку. Однако мы это сделали.

Когда весь исходный код VMS был перенесен на несколько систем в USC, мы должны были записать его на магнитную ленту, чтобы спокойно перелопатить всю информацию на своих компьютерах и не беспокоиться, что нас отследят при дозвоне в Easynet. Для переноса кода на магнитную ленту требовалось привлечь третьего человека.

Мы отправили Льюиса де Пэйна в кампус. Там он должен был выдать себя за студента. Ему требовалось попросить одного из операторов компьютеров вставить предоставленную им магнитную ленту в один из ленточных накопителей.

Я должен был находиться в другом районе города, в офисе у моего друга Дэйва Харрисона, и выйти оттуда в систему VMS под названием gamoth через обычный коммутируемый модем, подключенный к тому накопителю, в котором стояла лента Льюиса. На эту ленту нужно записать столько исходного кода, сколько влезет. После этого Льюис должен был передать оператору другую пустую ленту, а ленту с записью доставить Ленни Ди-Чикко. В конце каждого такого захода Ленни должен прятать новые ленты в специально заказанной для этих целей ячейке. Мы занимались этим до тех пор, пока у нас не накопилось от 30 до 40 лет с полным объемом исходного кода операционной системы VMS версии 5.

В ходе данной операции я достаточно долго бывал на работе у Харрисона. Я обнаружил, что в том же здании находились офисы компании GTE Telenet. Эта компания оперировала одной из наиболее обширных сетей X25 и обслуживала одного из крупнейших потребителей в мире. Может быть, мне удалось бы заполучить административный доступ к этой сети и наблюдать за пользовательским трафиком. Ранее Дэйв подобрал ключ к пожарному пункту, взял оттуда универсальный ключ, который подходил ко всем дверям, и занес его в здание. Однажды поздно ночью мы с Дэйвом воспользовались этим ключом и проникли в офисы GTE Telenet, чтобы просто осмотреться. Когда мы обнаружили, что они пользуются VMS, я сильно воодушевился. Как говорится, это я удачно зашел.

Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы можно было прослушивать пользовательский сетевой трафик.

Я нашел систему VMS с именем узла Snoopy³⁷. Немного осмотрев ее, я обнаружил, что из этой системы уже сделан выход в сеть с привилегированного аккаунта, а это значит, я могу получить полный доступ к системе. Слишком соблазнительно. Хотя сотрудники Telenet могли появиться в офисе в любое время дня и ночи, я сел за терминал и принялся исследовать. Я искал скрипты и сторонние приложения, чтобы разобраться, с какими инструментами работали в этой компании и как можно ими воспользоваться для отслеживания сетевого трафика. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы можно было прослушивать пользовательский сетевой трафик. Потом меня осенило. Узел назывался Snoopy, так как он позволял техникам отслеживать, *выискивать* трафик в пользовательских сетях.

У меня уже был адрес X25 для подключения к системе VMS на факультете органической химии в университете Лидса, где учился Нейл Клифт. Через него я и вышел в сеть. Зато у меня не было никаких учетных данных, я попытался их угадать, но безуспешно. Нейл уже был в системе, ведь из-за разницы часовых поясов у него в Лидсе день, а у меня глубокая ночь. Он заметил мои попытки создать логин и написал администратору Snoopy письмо о том, что кто-то хочет прорваться в университетскую систему. Разумеется, я удалил это письмо.

Хотя в ту ночь мне и не удалось попасть в систему университета Лидса, я выполнил подготовительную работу для последующей слежки за Клифтом. Это позволило мне обнаружить настоящую золотую жилу.

Тогда мы с Ленни вступили в интеллектуальную дуэль друг с другом. Он встал на место компьютерного оператора компании VPA, а я присоединился к компании SK Technologies в Ньюбери-Парке. Мы делали ставки, сможем ли проскользнуть в компьютерные системы компаний друг друга. Как только кому-то удавалось попасть в компьютерную сеть компании соперника, которая использовала операционную систему VMS, он получал приз. Это напоминало игру «захват флага», в ходе такой схватки мы проверяли свои навыки и умение защищать системы друг от друга.

³⁷ Это название можно перевести как «сыщик» или «ищейка».

Ленни был недостаточно проворен и никак не мог меня обхитрить. Я снова и снова проникал на его территорию. Ставка всегда равнялась 150 долларам – столько стоил обед на двоих в Spago. Это ресторан в Беверли-Хиллз, где тогда работал легендарный шеф-повар Вольфганг Пук. Я выиграл это состязание достаточно много раз подряд, и Ленни стал злиться.

Во время одного из наших полуночных хакерских заседаний Ленни стал жаловаться, что он так никогда и не выиграет. Я сказал, что, если он больше не хочет соревноваться, мы можем закончить в любое время. Однако он жаждал победить.

В его компании как раз установили цифровой замок на дверь в компьютерный зал. Ленни предложил мне открыть этот замок, *угадав код*, – он знал, что сделать это практически невозможно. «Если ты не сможешь войти, – сказал Ленни, – ты заплатишь мне 150 баксов. Прямо сегодня ночью».

Я сказал, что не хочу брать у него денег, так как это было бы слишком просто, а потом добавил, что он все равно будет недоволен собой, так как я выигрываю всегда, независимо от задачи. Эти колкости еще больше раздражили его – во что бы то ни стало, он хотел добиться, чтобы я принял этот вызов.

На самом деле задача *была бы* для меня очень сложна, если бы я попытался решить ее в лоб. Однако мне опять пришла на помощь слепая удача. Когда я работал на терминале Ленни и вламывался в сеть Digital, я заметил кошелек у него под столом. Я как будто случайно уронил ручку, нагнулся за ней, незаметно засунул кошелек в носок и сказал Ленни, что отойду по нужде.

В кошельке я обнаружил клочок бумаги с кодом для цифрового дверного замка. Я просто не мог поверить: Ленни – такой умный хакер, а не смог запомнить простенький номер? Причем как он мог так сглупить: записать код на бумажке и оставить ее в кошельке! Ситуация казалась настолько абсурдной, что мне в голову закралась мысль: не пытается ли он меня подставить? Может быть, он уронил кошелек просто для того, чтобы прервать мою серию выигрышей?

Я вернулся к столу, положил кошелек на место и сказал, что мне нужен час, чтобы разгадать дверной код. Мы договорились, единственное правило – не ломать замок силой. Все остальные приемы считались законными.

Через несколько минут Ленни сходил вниз что-то забрать. Когда он вернулся, то не смог меня найти. Он искал везде, пока наконец не открыл дверь в компьютерный зал. Я как ни в чем не бывало сидел там, набирал что-то на консоли VMS. Я работал в системе, и у меня были все привилегии. Я улыбнулся.

Ленни был в ярости. «*Ты жульничал!*» – воскликнул он.

Я протянул ему руку и сказал: «Ты должен мне 150 баксов». Когда Ленни заупрямился, я добавил: «Даю тебе неделю». Мне очень льстило, что я могу обломать такого самодовольного типа.

Ленни не платил и не платил. Я перестал давать ему отсрочки и сказал, что начну набавлять проценты. Не помогло. Наконец, скорее в шутку, чем всерьез, я позвонил в отдел расчетов с кредиторами его компании и представился сотрудником отдела IRS по вычетам задолженностей из заработной платы. «Скажите пожалуйста, у вас еще работает Леонард Ди-Чикко?» – спросил я.

«Да, работает», – ответила дама.

«У нас есть приказ суда о наложении ареста на имущество должника, – сказал я. – Нужно, чтобы вы удержали с него зарплату». Моя собеседница ответила, что для удовлетворения такого требования ей нужно документальное подтверждение. Я сказал ей: «В понедельник пришлем вам факс, но я официально требую от вас не выдавать этому сотруднику никаких средств, пока вы не получите от нас дополнительной документации».

Я полагал, что Ленни немножко обеспокоится, но вышло гораздо хуже. В понедельник никакой факс бы не пришел, и ему просто выдали бы деньги.

Когда сотрудники из отдела расчетов с кредиторами рассказали Ленни о звонке из IRS, он сразу же сообразил, чьих это рук дело. Из-за этого Ленни впал в такой беспредельный и неконтролируемый гнев, что потерял рассудок и сотворил совершеннейшую глупость: пошел к начальнику и рассказал, что это мы с ним взламывали сеть DEC из офиса VPA.

Начальник не стал вызывать полицию. Вместо этого он позвонил в службу безопасности DEC и рассказал, кто докучал этой компании на протяжении последних нескольких месяцев. К делу подключилось ФБР, и его агенты навестили уши.

Сотрудники ФБР и корпорации Digital Equipment Corporation расположились в VPA перед тем, как мы с Ленни решили устроить одну из наших полуночных хакерских посиделок. Они установили программы слежения на компьютерах VPA, чтобы записывать все, что мы будем делать. Ленни нацепил провод с микрофоном, через который можно было слышать все наши разговоры. В ту ночь моей целью был британский университет Лидса. Ранее я уже узнал, что Нейл Клифт был в Digital одним из основных информаторов. Он сообщал об ошибках в системе безопасности VMS, поэтому я хотел проникнуть в VMS факультета органической химии университета Лидса, туда, где у Клифта был аккаунт.

Я почуял, что с Ленни что-то не так. Спросил его: «Все нормально? Ты странно себя ведешь». Он сказал, что просто устал и не стоит обращать внимания на его поведение. Возможно, он просто цепенел от страха, боялся, что я разоблачу его. Мы прозанимались хакингом несколько часов подряд, потом бросили. Я хотел посидеть еще, но Ленни сказал, что ему рано вставать.

Через несколько дней Ленни мне позвонил и сказал: «Эй, Кевин, мне наконец-то заплатили отпусные. Могу с тобой рассчитаться. Подъезжай».

В мгновение мне страшно захотелось отсюда смотаться: дело пахло керосином. Наконец я уступил и, не заглушая мотор, вышел из машины, чтобы отдать диски.

Двумя часами позже я заехал в небольшой подземный гараж офисного здания, где находились помещения VPA. Ленни там стоял и не двигался. Он сказал: «Мне нужно взять диск с программой-эмулятором терминала VT100, сделать копию для друга». Он говорил о дисках, которые – это Ленни знал точно – лежали у меня в машине. Было уже 17:00, я весь день ничего не ел и предложил Ленни оплатить ему обед, если он со мной сходит. Однако он настаивал на своем. В мгновение мне страшно захотелось отсюда смотаться: дело пахло керосином. Наконец я уступил и, не заглушая мотор, вышел из машины, чтобы отдать диски.

«Знаешь, какое ощущение в животе, когда тебя вот-вот арестуют? – издевательски спросил Ленни. – Нет? Сейчас узнаешь».

Вдруг весь гараж наполнился ревом моторов. Машины вылетели отовсюду и мигом образовали вокруг нас кольцо. Из них повыскакивали мужики в костюмах и кричали: «ФБР!»

«Вы арестованы!»

«Руки на машину!»

Я подумал: если Ленни устроил все это только для того, чтобы меня напугать, то ему это, несомненно, удалось. Впечатляющий спектакль.

«Ребята, да вы не из ФБР. Покажите мне ваши удостоверения».

Они повытаскивали кошельки и предъявили мне бейджики. Куча бейджей ФБР, и все вокруг меня. Все было по-настоящему.

Я взглянул на Ленни. Он просто пританцовывал, как будто отмечал победу надо мной. «Ленни, зачем ты это сделал?»

Когда один из агентов надел на меня наручники, я попросил Ленни позвонить моей маме и сказать ей, что я арестован. Эта сволочь не оказала мне даже такой малейшей услуги.

Двое агентов доставили меня в федеральную тюрьму Терминал-Айленд. Если мне и приходилось видеть что-то подобное, то только в кино или по телевизору: длинные ряды открытых камер, заключенные высовывают руки через прутья. Один только вид заставлял поверить, что я сплю и вижу кошмар. Однако, как это ни удивительно, другие заключенные оказались классными и дружелюбными, предлагали мне одолжить какое-то барахло, которое продавалось в местном магазине. Многие узники на воле были белыми воротничками.

Я не мог заставить себя принять душ. Чувствовал отвращение до тех пор, пока агенты ФБР не забрали меня и не доставили в штаб-квартиру в западном Лос-Анджелесе. Там сделали фото в профиль и анфас. Я знал, что выгляжу ужасно: невымытый, нечесанный, три дня не менявший одежду, кроме того, плохо выспавшийся на крошечной койке. Как минимум, эта фотография впоследствии должна была немного облегчить мне жизнь.

Под арестом я пробыл целые выходные, потом предстал перед магистратом³⁸ Венеттой Тассопулос. Мое слушание относительно предварительного задержания состоялось в понедельник. Ожидалось, что меня выпустят под залог. Мне дали назначенного судом адвоката, который спросил, не собираюсь ли я бежать. Оказалось, он уже беседовал с государственным обвинителем, который сказал, что еще в 1984 году я улетал в Израиль. Конечно же, этого не было.

Слушание началось. Я сидел и не верил в происходящее, а суд тем временем слушал весь бред, который нес заместитель прокурора Леон Вейдман. Он сказал судье: «Это деяние настолько серьезное, что мы еще не можем в полной мере описать масштабы его вреда». Среди прочего он сказал, что я:

- взломал систему Агентства национальной безопасности и заполучил засекреченные коды доступа;
- отключил телефонную связь моему бывшему инспектору по надзору за условно осужденными;
- подделал кредитный отчет судьи в TRW после того, как не понравилось его отношение ко мне;
- кинул в СМИ ложную историю о том, что национальный банк Security Pacific потерял миллионы долларов, после того как мне отказали в трудоустройстве;
- неоднократно злонамеренно использовал и отключал телефон актрисы Кристи Мак-Никол;
- взламывал компьютеры департамента полиции и стирал информацию о моих предыдущих арестах.

Все эти обвинения были полнейшей ложью.

Заявление о том, что я взломал Агентство национальной безопасности, было просто смешным. На самом деле на одной из дискет, изъятых при обыске сотрудниками Santa Cruz, был файл под названием NSA.TXT – вывод команды «whois», где перечислялись зарегистрированные пользователи Dockmaster – *несекретной* компьютерной системы Агентства национальной безопасности. Когда Ленни работал в авиакомпании Hughes, он социальными инженерными методами добыл эту информацию для себя. Однако все эти данные были общедоступными, в том числе и список добавочных номеров Национального центра компьютерной безопасности. Государственный обвинитель, очевидно, не понимал, на что

³⁸ В США так называют судью, который санкционирует аресты и обыски и решает вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности (http://89.108.112.68/c/m.exe?t=3560212_1_2).

он смотрит, и назвал общедоступные добавочные номера телефонов *секретными кодами доступа*. Невероятно.

Другое обвинение, о взломе полицейских компьютеров, якобы подтверждалось тем, что не нашлось записей о совершенном мною взломе Santa Cruz.

Другое обвинение, о взломе полицейских компьютеров и о том, что я удалял данные о моих предыдущих арестах, якобы подтверждалось тем, что не нашлось записей о совершенном мною взломе Santa Cruz. Это была ошибка самих правоохранительных органов. Как вы помните, мы с Бонни сами пришли с повинной в шерифское управление Западного Голливуда. Однако там нас не сфотографировали, не взяли отпечатки пальцев, не было сделано и никаких записей о нашем аресте. Короче, это был их собственный прокол – нужно ответственнее относиться к своей работе.

Все остальные обвинения также были ложными и сводились к пересказу слухов, которые почему-то убедили магистрата, что я представляю серьезную угрозу для национальной безопасности.

Больше всего меня озадачило обвинение в том, что я неоднократно отключал телефон актрисы Кристи Мак-Никол, потому что якобы был в нее влюблен. Не думаю, что хоть кому-то отключение телефона может показаться хорошим способом продемонстрировать свою страсть. Я так и не понял, откуда взялась эта история, но впечатление от нее запомнилось надолго. Мне пришлось пережить особое унижение, когда я стоял в очереди в гастрономе и рассматривал собственное фото, что красовалось на обложке таблоида *National Examiner* под кричащими заголовками о том, что я сумасшедший воздыхатель, безнадежно влюбленный в Кристи Мак-Никол! У меня душа ушла в пятки. Я осторожно осмотрелся, надеясь, что никто из других покупателей меня не узнает. Такой славы я не пожелал бы и злейшему врагу.

Через несколько недель моя мама (тогда она работала в ресторанчике Famous, который Джерри держал в Studio-City) случайно повстречала Кристи Мак-Никол, которая зашла перекусить. Мама представилась и сказала: «Кевин Митник – мой сын».

Мак-Никол сразу ответила: «Да, точно, а что это за история о том, что он отключал мне телефон?» Актриса сказала, что ничего подобного с ней ни разу не происходило и она не меньше меня задавалась вопросом, откуда же пошел этот слух. Позже частный детектив подтвердил, что ничего подобного не было.

Когда меня спрашивают, зачем через несколько лет я ударился в бега, а не ответил на обвинения, предъявленные мне со стороны федеральных властей, я вспоминаю о моментах вроде описанного выше. Зачем мне миндальничать, если мои обвинители в средствах не стесняются? Если нет презумпции справедливого рассмотрения дела и правительство может основывать обвинения на предрассудках и непроверенных слухах, то *единственный адекватный ответ – бегство!*

Мама, бабушка и Бонни – все они были в шоке, так как знали, что адвокат попросту лжет.

Когда пришла моя очередь высказаться по делу, адвокат сказал судье, что я действительно летал в Израиль в конце 1984 года, но не чтобы скрыться, а только с туристическими целями. Я был ошеломлен. Мы обсуждали этот вопрос за десять минут до слушания, и я совершенно ясно объяснил, что не выезжал из страны уже много лет, а за океаном вообще никогда не был. Мама, бабушка и Бонни – все они были в шоке, так как знали, что адвокат попросту лжет. Как юрист может быть таким некомпетентным?

В качестве последней попытки уstrasить магистрата Леон Вейдман сделал одно из самых возмутительных заявлений, которые когда-либо высказывались государственным обвинителем в суде: он сказал Тассопулосу, что я могу развязать атомную войну. «Он может

насвистеть в телефон и запустить ядерную ракету с базы NORAD³⁹», – сказал Леон. Откуда только могла взяться такая нелепая мысль? Компьютеры NORAD даже не соединены с внешним миром, и команды по запуску ракет не передаются по общедоступным телефонным линиям.

Остальные его обвинения – все как одно ложные – были россказнями. Они, очевидно, брались из статей желтой прессы или черт знает еще откуда. Однако эту чушь с NORAD я не встречал больше никогда, даже в фантастических рассказах. Думаю, Леона так мог впечатлить кассовый голливудский фильм «Военные игры»⁴⁰. Позже широко распространилось мнение, что сюжет «Военных игр» был частично основан на моих эксплоитах. Это неправда.

Государственный обвинитель Вейдман описал меня как настоящего Лекса Лютора компьютерного мира (себя, полагаю, он в этот момент воображал Суперменом!). Подозрение в том, что я мог насвистеть в трубку, было настолько натянутым, что я просто громко рассмеялся, когда услышал это. Я был уверен: судья скажет обвинителю, что его слова абсурдны.

Вышло, однако, наоборот: она распорядилась задержать меня и не выпускать под залог, так как я был вооружен (*вооружен!*) клавиатурой и представлял опасность для общества.

Еще судья сказала, что меня следует содержать в месте, где не будет доступа к телефону. Жилые помещения, отведенные под основной контингент тюрьмы, были оснащены телефонами, по которым заключенные могли звонить, но оплачивала эти вызовы принимающая сторона. Единственным местом, где телефона не было, оказалась одиночная камера с красноречивым названием «нора».

В журнале *Time* от 9 января 1989 года в статье под рубрикой «Технологии» говорилось: «Даже наиболее опасным уголовным преступникам обычно разрешается пользоваться телефоном, а вот Кевину Митнику не разрешается. По крайней мере без присмотра охранника. Кроме того, ему разрешено звонить только жене, матери и адвокату. Дело в том, что дать Митнику телефонную трубку – все равно что дать пистолет гангстеру. Двадцатипятилетний преступник, бывший студент колледжа, обвиняется федеральными властями в том, что, используя телефонные линии, стал одним из самых опасных компьютерных взломщиков всех времен».

«Гангстер с пистолетом» – так они говорили о парне, вооруженном только компьютерной клавиатурой и навыками социальной инженерии!

У меня была еще одна возможность защититься в суде. Слушание с участием магистрата касалось только первоначального решения о задержании. Согласно федеральной системе после этого вы попадали в рулетку и для работы над вашим делом случайным образом назначался федеральный судья (поэтому система и называлась рулеткой). Сказали, мне очень повезло, что таким судьей стала Марианна Пфельцер. Однако это было совсем не так.

Алан Рубин, новый адвокат, которому поручили мое дело, попытался доказать, что меня не следует содержать в одиночной камере. Такие места предназначались для заключенных, которые совершали в тюрьме насильственные преступления либо угрожали работе самой тюрьмы. Судья Пфельцер ответила: «Именно там ему и место».

Теперь меня посадили в новенький, только что открытый Федеральный городской дисциплинарно-исправительный комплекс в центре Лос-Анджелеса. Меня проводили на восьмой этаж, в Северный блок 8, и показали мои новые апартаменты: комнатку размером восемь на десять футов⁴¹ с тусклым освещением и единственным узким окном-щелью, через которое были видны автомобили, железнодорожная станция, разгуливающие свободные люди и

³⁹ Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (http://ru.wikipedia.org/wiki/Командование_воздушно-космической_обороны_Северной_Америки).

⁴⁰ Подробнее о фильме: http://ru.wikipedia.org/wiki/Военные_игры

⁴¹ 2,5 на 3 м.

отель Metro Plaza, где, как бы жалко это ни звучало, я мечтал оказаться. Я даже не мог видеть охранников и других заключенных, поскольку от них меня отделяли не прутья, а стальная дверь с ячейкой, через которую мне подавали подносы с баландой.

Одиночество отупляло. Заключенные, вынужденные оставаться в одиночной камере на протяжении длительного времени, часто утрачивали связь с реальностью. Некоторые так и не восстанавливались, проводя остаток жизни в сумеречной стране между мирами. Они утрачивали способность жить в обществе, ходить на работу. Чтобы представить себе, каково это, вообразите, будто проводите 23 часа в сутки в туалете, освещенном единственной 40-ваттной лампочкой.

Я покидал камеру только для того, чтобы пройти десять футов⁴² до душевой. Меня должны были заковывать в кандалы и наручники, то есть обращаться так же, как и с преступниками, совершившими нападение на охранника. Для занятий физкультурой меня раз в день выводили в своеобразный двор-колодец, который не более чем в два раза просторнее моей камеры. Там я в течение часа мог дышать свежим воздухом и пару раз отжаться.

Как я там выжил? Меня навещали мама, бабушка, отец и жена. Я жил от встречи к встрече. Чтобы не сойти с ума, я все время чем-то занимал свой ум. Поскольку в одиночную камеру я попал не за нарушение тюремного режима, мне разрешали некоторые вольности по сравнению с обычными жесткими правилами содержания в подобном месте. Мне можно было читать книги и журналы, писать письма, слушать портативное радио (больше всего мне нравились «Новости KNX 1070» и классический рок). Однако писать было сложно, так как мне выдавали только коротенький карандаш, настолько толстый и короткий, что пользоваться им можно было всего несколько минут подряд.

Даже в одиночной камере, вопреки всем усилиям суда, мне удавалось немного заниматься телефонным фрикингом. Мне позволялось звонить по телефону адвокату, маме, отцу, тете Чики и Бонни. Правда, говорить с Бонни разрешали только тогда, когда она была дома, а не на работе. Иногда я целый день тосковал по разговору с ней. Чтобы я мог поговорить по телефону, меня заковывали в наручники и выводили в коридор, где висели три таксофона. Там охранник снимал с меня цепи, садился на стул на расстоянии пяти футов⁴³ от стены с таксофонами и наблюдал за мной.

Звонок кому-то, кто не упоминался в судебном ордере, казался невозможным, разве что я мог подкупить охранника, но такой поступок сразу же лишил бы меня всех тех немногих привилегий, которыми я пользовался.

Был ли какой-нибудь способ позвонить Бонни на работу? Я составил план. Конечно, для его воплощения требовалась глупая удача, но, с другой стороны, что мне было терять? Я уже сидел в одиночной камере, возможно, считался угрозой для национальной безопасности. Отстойнее некуда.

Я сказал охраннику: «Хочу позвонить матери». Он посмотрел номер в журнале. Потом прошел пару шагов к телефону, набрал номер и вручил мне трубку. Ответила телефонистка, спросила мое имя, а потом освободила линию, пока не ответила моя мама и не сказала, что оплатит звонок от сына. Наконец нас соединили.

Я продолжал разговаривать, а тем временем легко нажал на рычаг телефона, чтобы завершить соединение.

Разговаривая с мамой, я часто почесывал спину о таксофон, как будто у меня был зуд. В конце беседы я засунул руку за спину, как будто хотел почесаться. Я продолжал разгова-

⁴² Чуть более 3 м.

⁴³ Примерно 1,5 м.

ривать, а тем временем легко нажал на рычаг телефона, чтобы завершить соединение. Потом снова вытащил руку, чтобы она была на виду.

У меня было всего 18 секунд, чтобы набрать новый номер, ведь потом телефон начнет выдавать громкие короткие гудки, и охранник, несомненно, их услышит.

Я снова засунул руку за спину, словно хотел почесаться, а сам очень быстро набирал нужный номер, начиная с нуля, так как тогда звонок оплачивался принимающей стороной. Почесываясь, я иногда переступал на шаг взад-вперед, поэтому охранник не заметил в моих действиях ничего подозрительного.

Конечно же, я не видел номеронабирателя, поэтому должен был постараться и правильно набрать номер не глядя. Еще нужно было плотно прижимать трубку к уху, чтобы охранник не слышал тоновых сигналов из трубки при повторном наборе.

Все это время я должен был вести себя так, словно говорю с матерью. Поэтому я кивал и всячески делал вид, что слушаю, – и все это перед охранником.

Набрав новый номер, мне нужно было так обыграть беседу, чтобы ответ на вопрос «Вызов оплачивается принимающей стороной. Кто говорит? – Кевин» выглядел естественно для охранника. Услышав оператора, я сказал что-то вроде: «Ну, еще скажи дяде Джону, что (ив трубку – КЕВИН) передает ему большой привет».

Когда я слышал голос Бонни, у меня словно крылья выросли. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы говорить не с большим воодушевлением, чем с матерью.

Сработало. Я ощущал триумф, как будто мне удался исторический взлом.

В первый раз всегда сложно. Однако я стал так звонить каждый день. Прямо удивляюсь, как охранник не купил мне лосьон от зуда.

Однажды ночью, недели через две, как я начал проделывать этот трюк, я уже спал, когда дверь в камеру тихонько открылась.

Однажды ночью, недели через две, как я начал проделывать этот трюк, я уже спал, когда дверь в камеру тихонько открылась. Меня навестила группа людей в костюмах: пара помощников начальника тюрьмы и сам начальник. Они заковали меня в наручники, кандалы и приволокли в переговорную комнату, в 30 футах⁴⁴ от камеры. Я сел, один из помощников спросил: «Митник, как вы это делаете? Как вы перенабираете номер?» Я прикинулся дурачком, думая, что было бы тупо что-либо признавать. Пусть сами попробуют доказать.

Начальник ухмыльнулся: «Мы отслеживаем ваши звонки. Как вы набираете номер? Надзиратель с вас глаз не сводит». Я улыбнулся ему в ответ и сказал: «Ну, я же не Дэвид Копперфильд, как же я могу перенабирать номер? Вы сами говорите, что офицер наблюдает за каждым моим движением».

Через два дня я услышал шум за дверью камеры. Это пришел монтер из Pacific Bell. Что за черт? Оказывается, он устанавливал телефонную розетку прямо напротив камеры. В следующий раз, когда я попросил позвонить, стало ясно, зачем охранник принес телефон с 20-футовым⁴⁵ проводом, включил его в розетку, набрал разрешенный номер и протянул мне трубку через отверстие в литой металлической двери. До самого телефона мне было не достать. Вот скоты!

Бонни не только принимала мои звонки, но и очень поддерживала меня. Три раза в неделю после работы она ехала на машине ко мне в тюрьму – а путь был неблизкий – и *очень* долго ждала в очереди, пока не приходил ее черед для свидания. В комнате для свиданий за нами все время наблюдали охранники. Нам были довлены только краткое объятие и поспешный поцелуй. Снова и снова я абсолютно искренне уверял ее, что больше никогда не

⁴⁴ Около 10 м.

⁴⁵ Примерно шестиметровым.

буду заниматься теми вещами, из-за которых я здесь оказался. Как и раньше, я от начала и до конца верил в то, о чем говорил.

Я так и сидел в одиночной камере, а тем временем адвокат Алан Рубин договаривался с государственным обвинителем об условиях сделки о признании вины, которая позволила бы мне выйти из тюрьмы без суда. Меня обвиняли во взломе DEC и незаконном получении кодов доступа к MCI, из-за чего компания DEC понесла убытки в четыре миллиона долларов, – абсолютно абсурдное заявление. На самом деле все деньги, которые из-за меня потратила компания Digital, ушли только на эту судебную тяжбу. Цифра в четыре миллиона была взята с потолка и именно для того, чтобы меня приговорили к длительному тюремному сроку в соответствии с Федеральным руководством по вынесению приговоров. Мое наказание должно было основываться на сумме неуплаченных лицензионных взносов, которые я задолжал компании за скачанный исходный код, а это были куда меньшие суммы.

Все же я жаждал уладить это дело и как можно скорее выйти из камеры, которая напоминала гроб. Я не хотел дожидаться суда, так как знал: у федералов достаточно доказательств, чтобы засудить меня. У них были мои записи и диски, был Ленни, который с нетерпением ждал возможности дать против меня показания, а также запись, сделанная с микрофона на нашей последней хакерской прогулке.

Наконец мой адвокат смог найти компромиссное решение с обвинением. В результате мне светил годичный тюремный срок. Кроме того, от меня требовали дать показания против Ленни. Все это было для меня шоком: мне всегда говорили, что тот, кто доносит первым, отделяется легко, возможно, вообще не получает срок. В данном случае федералы намеревались засадить за решетку и собственного стукача, моего бывшего друга. Конечно же, я согласился. Ленни донес на меня, почему бы мне не отплатить ему тем же?

Когда мы были в суде, внезапно оказалось, что судья Пфельцер крайне впечатлена теми многочисленными слухами и ложными подозрениями, которые со временем накопились против меня. Она отклонила вариант со сделкой о признании вины, посчитав его слишком снисходительным. Все же Пфельцер пересмотрела приговор и присудила мне год тюремного заключения и еще полгода в социальном реабилитационном центре для бывших заключенных. Кроме того, я должен был встретиться с Энди Голдстейном из DEC и рассказать ему, как у меня получилось пробраться в их сеть и скопировать самый драгоценный исходный код.

Стоило мне согласиться на сделку о признании вины, как, словно по волшебству, меня перестали считать угрозой национальной безопасности. Меня перевели из одиночной камеры в общую. Поначалу я почувствовал такое облегчение, как будто вышел на свободу, но реальность незамедлительно напомнила о том, что я все еще в тюрьме.

Когда меня содержали вместе со всеми заключенными в городском дисциплинарном исправительном центре, один сокамерник, колумбийский наркобарон, предложил мне пять миллионов долларов наличными, если я смогу проникнуть в Sentry, компьютерную систему Федерального бюро тюрем, и помогу ему освободиться. Я не отказался от дружеских отношений с ним и немного подыграл этому человеку, но совершенно не собирался сворачивать на предложенную им дорожку.

Вскоре меня перевели в федеральный тюремный лагерь в Ломпоке. Чем это место отличалось от тюрьмы? Там были общие спальни, которые напоминали казармы, а сам лагерь даже не был окружен изгородью. Эти новые апартаменты я делил с осужденными. Они, как и я, были из числа белых воротничков. Среди моих новых сокамерников даже нашелся один федеральный судья, обвиненный в уклонении от уплаты налогов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.